

Юлия Журавлева

СУТКИ НА ДВОИХ

Annotation

Она - девушка из богатой семьи, выросшая как роза в оранжерее. Он - парень из низов, не понаслышке знающий, что такое голод и нужда. Казалось бы, у них не может быть ничего общего, но судьба распорядилась иначе, подарив одни сутки на двоих. Сутки, которые должны стать для них последними.

За шестнадцать часов до описываемых событий

Григория со вздохом окинула себя взглядом в зеркале, даже костюм для физических занятий был более приличным, чем эти вытертые штаны, плотная рубаха с узкими рукавами, разношенные мягкие ботинки, довершала безрадостную картину косынка на голове, плотно скрывающая длинные каштановые волосы. А еще, говорят, красота требует жертв. Эта магия, а точнее ее подвид «начертательная магия и символика» требовали еще каких жертв от несчастной девушки! Весь вечер, который она бы могла прекрасно и интересно провести, Гри будет вынуждена вычерчивать сложнейшую схему на пыльном полу зала для одноименного магического разделу предмета. Не самое интересное занятие для двадцатилетней девушки. И предмет-то был ненужный, ну кто сейчас пользуется начертательной магией, подготовка к которой требовала невероятных временных затрат, да еще и отточенных навыков, внимания и концентрации? А символика, позволяющая составлять подобные ритуалы, была настолько нудная, что юная магесса каждый раз пила бодрящий отвар перед занятиями, чтобы иметь хоть какую-то возможность относительно на равных бороться со сном. Григория еще раз бросила взгляд в зеркало, для того, чтобы рисовать знаки и вычерчивать пентаграммы на полу — самое оно, только от этого не легче.

А еще тяжелее было от того, что ее партнером по жребии стал Рене Вайтран — простолюдин с замашками наследного принца, не иначе. Снобизма в этом представителе одного из низших сословий хватило бы на аристократию целого графства, но боги умудрились вместить это в одного человека, похоже, за счет урезания других душевных качеств.

Впрочем, как бы она не злилась, в Академию магии брали исключительно по уровню дара, а у Вайтрана он был на редкость высок, что одно время вызывало много шуточек по поводу его рождения, матери и того, кем мог быть его отец. Несколько магических дуэлей и обычных разбитых носов, и количество шутников резко поубавилось, а потом и вовсе сошло на нет. Да и его учеба была если не совсем блестящая, то активно стремилась к этому. К этому набору в придачу шла еще внешность, которой и правда можно было позавидовать: рослый, плечистый, с мужественными, но не грубыми чертами лица, темно-кариими глазами и черными короткими волосами, всегда лежащими в идеальном порядке. По нему вздыхали почти все девушки их потока, младшекурсницы прятались по углам, чтобы хоть одним глазком посмотреть на парня своей мечты, да и старшие, пусть и не так явно, но пытались подбивать в его сторону клинья. Вайтран систематически отшивал всех. Из-за этого тоже возникала куча домыслов, в том числе и от завидующих парней, за некоторые из которых страдали уже не только носы, а полноценные физиономии, а то и другие части тел. Но с подружкой Вайтрана так никто и не увидел.

Когда по жребии Григории в напарники достался Рене Вайтран, все однокурсницы завистливо покосились в ее сторону. Она же после раздачи заданий подошла к профессору за заменой и получила категоричный отказ (зачем меняться, когда в пару достается один из лучших учеников?). Маг должен уметь работать в любых условиях с любой компанией. И вот сначала им вместе, пусть и каждый в своей части, пришлось дорабатывать ритуал передачи энергии, защищать теоретическую часть проекта, и только после этого их допустили к практике. Сколько язвительных и уничижительных комментариев за этот месяц совместной работы выслушала Гри — не счесть, а ведь она также была в списке лучших, просто

конкретно с начерталовкой у девушки были определенные проблемы, и то не такие, какими их пытался выставить этот мерзкий тип! Не говоря уж о том, что не будь они оба магами, что практически уравнивало их положение, за оскорбление графини простолюдина могли подвергнуть прилюдной порке у позорного столба! И порой, видят Боги, Григория жалела, что на магов этот закон не распространен. Как и многие другие законы. Магов могут судить только маги, Ковен жестко отстаивал это правило, как и свою независимость от любой власти.

Поскольку перенос схемы на площадку занимал обычно несколько часов, готовиться нужно было с вечера, утром шла защита проекта, и все! Больше с Вайтраном ей ничего общего иметь не придется! Ради этого стоило вырядиться огородным пугалом, вооружиться необходимым инструментарием, и прийти пораньше в зал, в надежде успеть нарисовать свою часть до прихода напарника.

Надеждам не суждено было сбыться. Все это дурацкое парное задание было испытанием для терпения Григории, сейчас ее ждала очередная проверка на прочность. Вайтран не торопясь шел к залу со стороны мужского общежития, до двери ему оставалось всего несколько шагов, так что зашел он на полминуты раньше, подождать и придержать дверь, конечно, не удосужился, как поприветствовать свою напарницу. Девушка стиснула зубы, продержаться осталось совсем чуть-чуть. Нарисовать схему сегодня, защитить ее завтра и забыть все, как страшный сон.

Работали молча, Гри несколько раз бросала взгляды на сокурсника, но тот даже не смотрел в ее сторону, расстраиваться из-за этого она не собиралась и аккуратно вычерчивала линии и знаки.

— Ну что там у тебя? — напарник, видимо, выполнивший свою часть задания, не спеша подошел ко второй половине зала. — Может помочь? — и было это сказано столь уничижительно, что Григории захотелось ответить ему совсем не в тех выражениях, которыми положено пользоваться девушкам из приличных семей. Впрочем, магессы могли позволить себе и не такое, но о своем происхождении графиня предпочитала не забывать.

— Спасибо, справлюсь как-нибудь, — процедила девушка, даже не поднимая взгляд.

— Как-нибудь не надо, ты уж постарайся получше, — не смолчал парень. — Не хочется провалить задание или получить магическую травму из-за твоей криворукости.

— Как бы мы из-за твоей криворукости травму не получили! — вскинулась Гри. Вот что ему не уйти также молча, как пришел?

На что парень только усмехнулся и скептически оглянул ее схему. Скривился, видя не идеально очерченные линии, развернулся и вышел. Не прощаясь. Наверное, исчерпал на сегодня лимит слов для нее, зло подумала Гри. И с двойным усердием начала вычерчивать схему, чтобы никто не смог придраться!

После двух проверок своей части, а заодно и вайтрановской, Григория окинула получившуюся схему взглядом. Да уж, четыре с лишним часа от нее и три с половиной от Вайтрана, почти сорок квадратных метров исчерченной и изрисованной поверхности — и схема для обоюдного обмена магией готова! Обычно, схемы работали только в одну сторону, но их задача была сначала передать резерв одному, потом вернуть его обратно. Пришли к выводу, что оба должны уполовинить магический резерв, во избежание перебора, так что утром нужно будет еще забежать в зал для тренировок и выплеснуть часть магии. Закрыв дверь с помощью ключа-артефакта, выдававшегося перед финальной частью проекта, девушка направилась к себе. Ключ позволял войти только студентам, готовившим задание,

или преподавательской комиссии, принимавшей результат, во избежание диверсий и глупых шуток горячей студенческой братии, так что за схему можно было не волноваться. Сейчас нужно просто отдохнуть, так как никуда сходить Григория уже все равно не успевала, а вот принять душ и сбросить с себя эти ужасные одежды — вполне. До избавления от вконец опостылевшего напарника осталось совсем немного.

Точка отсчета

Восемь пятьдесят утра. Гри быстро шла по коридорам, успевала она впритык, так как затянула со сбросом магии и провела времени на тренировочном полигоне больше, чем планировала.

В зале собрались все, и девушка, несмотря на то, что успела к назначенному времени, почувствовала себя опоздавшей, а это еще больше усилило нарастающее волнение. И ведь каждая линия выверена-перепроверена, а все равно страшно. Поймав недовольный взгляд напарника, Григория только вздернула нос, вот уж кому она ничего не должна, так это ему!

Встав в отведенное ей на схеме место, Гри дождалась разрешительного кивка комиссии, переглянулась с Вайтраном, который покровительственным жестом прямо-таки дозволил ей начинать (чтоб его!), Григория начала распевно читать активационное заклинание, которое было подхвачено напарником. Где-то они сходились, где-то наоборот каждый читал независимо друг от друга, но через две минуты линии напитались силой и начали светиться. Григория протянула руки для передачи магии, жест был необязательным, но так ей было проще и нагляднее. Вайтран даже не пошевелился, с каменным лицом он взял себе ее резерв и с таким же каменным лицом начал передавать уже свой поток магии обратно. После полного опустошения, магия была как глоток воды для страждущего, девушка не смогла спрятать улыбки от внезапно захлестнувшей ее радости, и в этот же миг ее улыбка будто отразилась на лице Вайтрана. Надо же, и его проняло!

Ритуал закончился, с небывалой легкостью Григория повернулась к членам комиссии, и в этот момент сердце ухнуло в желудок. Обычно невозмутимые, выдавшие виды маги были бледны и возбужденно что-то обсуждали над их схемой, которую судорожно раскатывал на столе преподаватель начерталовки профессор Гельерме. Она непонимающе оглянулась на напарника, от которого также не укрылся переполох среди преподавателей. Парень сориентировался быстрее и уверенным шагом подошел к комиссии, Гри метнулась за ним.

— Что-то не так? — Вайтран взгляделся в схему.

— Все не так, — декан Актовиан был мрачнее обычного. Да какой-там мрачнее, его аж колотило то ли от злости, то ли от переполнявших эмоций в целом. — Кто мне объяснит, как вообще такое могло произойти?

— Но схема-то верная, — пытался оправдаться профессор Гельерме, — все слова активации также были правильные!

— Слова активации всего лишь вливают нужное количество магии в схему, — продолжал разнос декан, — ошибка в самой схеме на полу зала!

Вайтран красноречиво обернулся на напарницу.

— Нет никаких ошибок в схеме, — Григория с трудом втиснулась в ряды ученых магов.

— Я вчера дважды проверила обе части, все было точно по изначальной схеме проекта!

Все еще раз склонились над схемой на бумаге.

— Схема стандартная, — голос преподавателя начерталовки срывался от волнения, — посмотрите, вот классическое изображение передачи энергии, вот узлы, образующие цикл, позволяющие двустороннюю передачу!

— Уважаемые магистры, объясните, из-за чего переполох? — спокойным ровным голосом поинтересовался Вайтран, и Григория позавидовала его самообладанию. Любому было понятно, что в чем-то они серьезно ошиблись. Знать бы в чем.

— Поздравляю с бракосочетанием, маг Рене и магесса Григория! Надеюсь, вы очень любите друг друга, иначе у всех нас большие проблемы...

Декан не был бы деканом, если бы не умел говорить на публику.

— Не припомню за Вами подобных шуток, магистр Актовриан, — Вайтран все еще сохранял спокойствие, но уже было заметно, что дается ему это нелегко. Парень выглядел напряженно. Свое ошарашенное лицо Григория даже представлять не хотела. Впрочем, ей было не до удерживания лица.

— Какое еще бракосочетание? — девушка, даром что графиня, так контролировать эмоции не умела, и дрожь в голосе нельзя было не заметить.

— Которое вы только что на радость Богине Ладе провели, — любезно пояснил декан.

— Магистр, — выдержка Вайтрана дала трещину и рушилась на глазах, — объясните нормально, что произошло.

Декан вздохнул, сел на свой стул и жестом пригласил всех рассесться, студенты также воспользовались предложением.

— Схема, нарисованная вами на полу, не что иное, как весьма подзабытый ритуал брака истинной любви. Его не практикуют лет сто, да и раньше желающих находилось немного. Особенности ритуала в том, что применялся он только магами

— это первое, во-вторых, его нельзя расторгнуть. Более того, даже смерть одного из супругов ведет к быстрой смерти второго, это как раз эффект заикливания магии, имеющий место в вашей проектной схеме. Ну а в-третьих, как следует из названия, брачующиеся должны быть уверены если не в огромной любви, то в искренней привязанности друг к другу.

— То есть развестись мы не можем, — быстро уловил главное Вайтран.

— Не можете, — подтвердил декан, — но основная проблема не в этом, — магистр Актовриан еще раз тяжело вздохнул, — то, что вы сделали, это только начало ритуала, его, скажем так, открытие. Ритуал необходимо завершить.

— А если не завершать? — подала голос Григория. Мысль о том, что они с Вайтраном супруги не хотела укладываться в голове и упорно отторгалась, настолько нелепой и невозможной была.

— Его нельзя не завершить, — наконец вступил в разговор преподаватель, — брак должен быть консумирован в течение суток, иначе вы оба умрете.

Повисла тишина. Григория чувствовала, как тяжелым обручем сдавило голову, в висках стучал пульс, перед глазами летали мушки. Этого не может быть, это происходит не с ней. Это сон, просто дурной сон!

— К сожалению, это реальность, — декан с сочувствием смотрел на девушку, видимо, последнюю фразу она произнесла вслух. — Но профессор Гельерме не сказал самого важного. Вы должны являться любящей парой. Но и это еще не все. Невеста должна быть невинна, поскольку в ритуал вплетены проверки на девственную кровь.

Все разом посмотрели на заливающуюся краской девушку.

Такого Григория уже стерпеть не смогла. Не хватало еще обсуждать ее невинность! Она резко вскочила и выбежала из зала. Поверить в случившееся было трудно, почти невозможно, но, если предположить, что это правда, жизнь ее кончена. И пусть она не в пример многим однокурсницам была девственницей, представить, что между ней и Вайтраном за сутки появится хотя бы взаимная симпатия, совершенно не получалось.

Гри под ошарашенные взгляды соседок по общежитию влетела в свою комнату и

заперлась изнутри. Сил держаться больше не было, так что девушка просто сползла по стене и зарыдала. За что ей все это?

Полчаса после ритуала

За это время Григория успела немного успокоиться, в свете ошеломительной новости о «замужестве» все остальное стало мелким и несущественным, так что девушка просто валялась на кровати и игнорировала стук в дверь, казалось, не прекращавшийся с того момента, как она влетела в комнату. Говорить ни с кем не хотелось, а одна мысль, что придется объяснять детали случившегося даже подругам, вгоняла в злую краску.

«Да, мы с Вайтраном теперь женаты. Да, нам надо полюбить друг друга и переспать в течение суток, иначе мы умрем. Что, сдали ли мы зачет по начерталовке? Конечно же, да, разве кто-то сомневается, что так и задумывалось?»

Гри сама осознавала, что спокойствие ее мнимое, и находится она на пороге то ли истерики, то ли депрессии. Ни того, ни другого с ней раньше не случалось, поэтому классифицировать хоть как-то свое состояние не удавалось. Она бы и дальше так лежала и игнорировала стук, напоминавший уже барабанную дробь, в дверь, если бы не знакомый с детства родной голос.

— Доча, открой дверь!

Григория резко вскочила с постели. Отец! Вот кто сможет решить все вопросы и уладить все проблемы! Не помня себя, она отодвинула засов и бросилась на шею родителю.

— Не время для эмоций, — отец, невысокий и полноватый, но с иголки одетый и до сих пор производящий впечатление на дам, был, как всегда, собран и решителен. — Мы сейчас идем к твоему декану, этот оборванец уже там в кандалах, так что ничего не бойся.

Гри сглотнула вязкую слюну, почему-то стало еще страшнее, чем до прихода отца. Но идти к декану нужно было, да побыстрее, поскольку в ожидании бесплатного зрелища у дверей ее комнаты, кажется, собралась вся общага и не только женская. Все стояли и перешептывались, разве что пальцами не тыкали.

Как маленькая, девушка вцепилась в руку отца, плевать, кто что подумает, хуже уже не будет. В том, что у ее дверей собралась вся общага, она, конечно, ошиблась, и ошибку свою осознала быстро: там была только половина. Вторая половина, еще более взбудораженная, чем первая, стояла в огромном холле у кабинета декана. Григория собрала в кучу остатки своего самообладания и попыталась придать себе вид как можно более безразличный. При ее появлении все как-то разом стихли. Двадцать ударов сердца и холл пройден, дверь кабинета отрезала ее от студиязов, напоминавших сейчас огромный растревоженный осиный улей. И жалить они, надо думать, при первой же возможности будут также больно.

Не успела Григория выдохнуть, как взгляд ее уперся с закованного в блокирующие магию кандалы Вайтрана, по бокам которого уже стояли маги-стражи.

— Еще раз здравствуйте, граф Давьенг, Григория. Присаживайтесь, — декан указал на два свободных кресла напротив его стола.

— Я требую немедленно снять проклятье с моей дочери! — без предисловий начал отец.

— Это не проклятье, — устало ответил декан, — это последствия ритуала и они необратимы. Все именно так, как я рассказал Вам по артефакту связи, и в Ваших интересах не предъявлять обвинение студенту Рене Вайтрана.

— Не предъявлять! — граф вскочил с кресла, — да этот проходимец ради приданого моей дочери готов ее убить!

— Это еще не доказано, — декан Актовиян был само спокойствие.

— Из Ваших слов, магистр, я понял, что времени на доказывание у нас нет! Ритуал необратим! О чем вы вообще думали, позволяя студентам использовать такие опасные непроверенные схемы! — все больше распаялся граф.

— Отец, пожалуйста, — не выдержала Григория. Она отлично понимала, что декан тут не при чем. О виновности однокурсника она еще подумать не успела.

— Дорогая, не вмешивайся! Этот мерзавец, — отец еще раз указал на Вайтрана, — не погнушался таким способом тебя привязать к себе, и за твой счет решить проблемы своей неблагополучной семейки!

— Рене, — обратился к парню декан, — Вы согласны с обвинениями?

— Я с десятков раз говорил, что не делал этого, — сквозь зубы процедил Вайтран, было видно, что он на пределе терпения.

— Да я уже получил всю информацию о твоей подноготной, — не сдавался граф, — отец-алкоголик, мать — прачка, непутевый младший брат и три сестры, одна из которых смертельно больна и нуждается в дорогостоящем лечении. Как тут не воспользоваться ситуацией и не обзавестись богатой женой! — в голосе отца было столько яда, что даже странно, как Вайтран не упал замертво. Но он оказался крепким орешком.

— Да я плевал на Вашу дочь и ее деньги! — сорвался парень. — Если бы я хотел решить проблемы своей семьи, как Вы это изволили назвать, женитьбой, я бы уже давно женился и выбрал бы кого-то побогаче и покрасивее!

— Ах ты, щенок! — и только вмешательства стражей, которые вообще-то должны были защищать от Вайтрана, а не наоборот, не позволили графу вцепиться молодому магу в горло и не попытаться придушить на месте.

— Довольно! — голос декана подействовал даже на графа, не иначе магию какую применил. — Мы поняли Вашу позицию, граф Давьенг, а теперь прошу покинуть кабинет. Студент Рене Вайтран, Вам предъявлено обвинение в использовании смертельно опасной магии, Вы заключаетесь под стражу до вынесения приговора.

— Пойдем, доченька! — отец решительно взял Григорию за руку, — у нас слишком мало времени, чтобы тратить его так бездарно. Мы найдем того, кто сможет помочь, среди этого сброда толкового специалиста точно нет.

Григории ничего не оставалось, как подчиниться, бросив на прощание извиняющийся взгляд на декана. Вайтрана два стража подтолкнули к выходу, только сейчас девушка заметила, что у него скованы не только руки, но и ноги. Она не смогла посмотреть напарнику в лицо. Неужели он и правда все подстроил? В целом, получалось складно, мотив есть, возможность тоже. Но ведь он и себя смертельному риску подвергает! Неужели решил пойти ва-банк? Так ведь и правда можно было способ проще и безопаснее найти.

Дорогу к телепорту Академии они с отцом преодолели молча. Вот когда Гри порадовалась, что отец не поспешил и установил стационарный телепорт дома! Один прыжок без стационарного телепорта требует весь ее резерв, а он так и не восстановился после ритуала. Ритуал. Что теперь с ней будет? И если бы все проблемы решались консумацией брака...

Стоп! Что это еще за мысли такие?! Григория резко одернула себя, Вайтран, возможно, преступник и вообще никогда ей не нравился, а она уже о консумации думает!

Сразу в прихожей отец ее покинул, сославшись на то, что сейчас будет срочно искать пути решения возникшей проблемы, и вверил заботливым рукам горничной. Так как никаких

пожеланий у Григории не было, горничную она отпустила и снова осталась одна.

Час после ритуала

Одиночество Григории продлилось недолго. Буквально через несколько минут к ней влетели три подруги-однокурсницы, перенесшиеся вслед за ней из Академии. Дружба с ними тянулась еще с детства, только сейчас Гри никак не могла изобразить радость от появления этих подруг. Даже жаль стало, что в свое время внесла отпечаток их аур в стационарный домашний портал в статусе “Свободное перемещение без запроса разрешения”.

Видя ее настроение, поохав над кислым и бледным видом, особенно, заплаканными глазами (как не обратить внимание на недостатки?), подруги вытащили девушку гулять на улицу, под предлогом развеяться и отвлечься.

Как именно Григория должна была развеиваться и отвлекаться под нескончаемый треп о Вайтроне, о котором за минувший час все узнали больше, чем за три предыдущих года учебы, девушка так и не поняла. Подруги не упустили возможности рассказать, что ее «муж», а именно так говорит теперь вся Академия, оказывается, все это время подрабатывал вышибалой в одном из ресторанов, для которого было несомненной удачей найти такого охранника. Обычно маги не снисходили до подобной работы, но маг в любом заведении всегда привлекал внимание и обеспечивал приток посетителей, пусть даже в его обязанности входило стояние у дверей и своевременное пресечение конфликтов. Именно поэтому он никогда не присутствовал на студенческих посиделках, график работы не позволял. Ну и финансовое положение, конечно. Собственно, бедственное положение Вайтрона и его семьи смаковалось при рассказе особенно. Безусловно, девушки хотели задеть Григорию, и, конечно же, им это удалось.

Подумать только, а ведь недавно эта троица готова была драться за толику внимания одного из самых популярных парней Академии, а теперь вон оно как! Нищеврод и альфонс! Гри со злостью представила, какие помои выливаются сейчас на них обоих, и свернула к ближайшему муниципальному телепорту, не тратя время на прощание и объяснение своего ухода. Интересно, с грустью подумала девушка, сколько у нее останется после сегодняшнего друзей? И останется ли вообще? Впрочем, какая разница, если завтра ее жизнь с почти стопроцентной вероятностью закончится. И пусть до конца поверить, что ее ждет неминуемая и хорошо если легкая смерть, не получалось, Григория твердо решила провести свой последний день так, чтобы за него не было стыдно. Позорить свое имя она никому не позволит, в конце концов, она графиня, и раз уж судьба каким-то образом связала ее жизнь с Рене Вайтроном, то и его имя не должно быть втоптанно завистниками и злопыхателями в грязь.

Два часа после ритуала

В Академии она, не мешкая, пошла в отделение правопорядка, в котором и располагались тюремные камеры. В основном там отсиживались нарушители дисциплины, дуэлянты, а также трезвели в крепком алкогольном сне перебравшие маги. Впереди всех их ждали, как правило, отработки, как то уборка территории, уход за животными, магическими в бестиарии и обычными лошадьми в стойлах, работа в оранжерее. И очень редко, на памяти Григории всего один раз после дуэли со смертельным исходом, там по-настоящему был заключен до окончания предварительного следствия студент. По суду магов его ждало купирование дара и каменоломни за непредумышленное убийство.

И вот теперь здесь был ее однокурсник и напарник, а еще, наверное, муж. Стоило ли считать все произошедшее браком, Гри еще не определилась.

Выпускать Вайтрана по ее просьбе, конечно, никто не побежал, зато дежурный любезно согласился проводить ее к следователю, который занимался их делом, более того, у следователя нашелся и декан. На какое-то мгновение девушка едва не пожалела о своем решении, все-таки кто она такая, чтобы выдвигать требования? Студентка Академии? Да и после представления, устроенного ее отцом, декан мог не внять ее просьбам, а следователь просто выставить из кабинета. Титулы тут, к сожалению, были не в почете. Но это мгновение быстро закончилось, стоило ей услышать вполне доброжелательное приветствие мужчин.

— Итак, студентка Андергард, с чем Вы к нам пожаловали? — поинтересовался следователь.

— Я хочу попросить об освобождении своего мужа из-под стражи! — на одном дыхании выпалила Григория.

— И как Вы мотивируете свое требование, позвольте поинтересоваться?

— Пострадавшей стороной, по факту, являюсь я, а не мой отец, подавший обвинение. А поскольку я совершеннолетняя, то мой родитель не имеет права действовать от моего имени без моего дозволения или веских причин, вроде моей недееспособности.

Как хорошо, что сам отец в свое время настоял на том, чтобы юная графиня прекрасно владела и могла апеллировать законодательством Союза Западных королевств, включающих в себя шесть королевств и три позднее вступивших под сильное крыло княжества. Вот как чувствовал, что пригодится!

— А почему Вы так радеете за своего бывшего напарника, который вполне может быть виновен в вашем нынешнем положении? — внезапно вклинился в разговор декан. — Уж не влюблены ли Вы в него?

— Нет! Откуда такие предположения? — Григория даже отшатнулась подальше от магистра.

— А жаль, — вздохнул декан Актовиан, — это бы решило половину наших проблем.

— Вторая половина — это влюбленность в меня Вайтрана, я так понимаю? Тогда, боюсь, даже будь я в него по уши влюблена, лучше бы от этого не стало.

— Ну не скажите, Григория, порой мужские сердца таят такое, о чем даже мужской мозг может до поры до времени не догадываться, — мечтательно произнес декан, вспоминая бурную молодость, не иначе.

— Прошу прощения, но сейчас у нас главная проблема, что Рене Вайтран в тюрьме, а

нужен он мне на свободе! — не выдержала Григория и красноречиво посмотрела на следователя.

— Думаю, мы можем его отпустить на основании изложенных Вами оснований, — подумав, сказал следователь. — Только Вам придется написать, что претензий к Рене Вайтрану не имеете.

— Давайте бумагу, — покорно согласилась Григория. Какие могут быть претензии, когда жить осталось меньше суток?

Пока девушка под диктовку писала об отсутствии претензий к своему же мужу, следователь отправил за заключенным. Вайтран появился в кабинете как раз к окончанию повествования, дате и подписи. В этот момент следователь сделал какой-то хитрый пасс рукой, и оковы сами упали с рук и ног студента.

— Кстати! — воскликнул вдохновленный следователь. — а, может, вы обратитесь к алхимикам и выпьете любовный напиток? Это бы решило основную проблему с отсутствием чувств, а там уж и с консумацией как-нибудь справитесь!

— Итак, студенты, — менторским тоном начал декан, — кто меня порадует и скажет, почему нельзя воспользоваться предложением следователя Маризо?

— Потому что любовные напитки вызывают исключительно физиологическое влечение к выбранному или случайному объекту, в зависимости от типа зелья, но никак не влияют на формирование чувств, — как по учебнику ответила Григория. Вайтран явно прибывал не в том расположении духа, чтобы играть в угадалки.

— А менталисты не помогут? — с надеждой поинтересовался следователь.

Девушка даже задумалась, он не хочет расследовать такое неоднозначное преступление, основные действующие лица которого, скорее всего, скоро умрут, или искренне пытается помочь?

— Нет, — ответил сам декан, — менталисты к формированию чувств также не имеют отношения. Так что рассчитывать наши новобранцы могут только на себя.

На этих словах Вайтран резко повернулся, вышел из кабинета и громко хлопнул дверью. Григории ничего не оставалось, как быстро извиниться и пойти догонять мужа.

— Стой! Да стой же! — Григория схватила парня за руку, которую он у нее резко выдернул, но все-таки остановился. — Тебе не кажется, что нам нужно поговорить?

— Нам не о чем говорить, — и снова этот ровный бесцветный голос.

— У нас тут есть одна общая проблема: магический брак, который убьет нас уже меньше, чем через сутки, если мы ничего не предпримем!

— И как предлагаешь ее решать? Можно пойти в твою комнату в общежитии, у тебя ведь она одноместная, без соседей, и консумировать наш брак, вдруг получится? — едко ответил парень.

— Боги! И это лучший студент потока! Для начала, я бы сходила в храм Лады, пусть они подтвердят, что брак имеет место быть. Лично я не чувствую никакой разницы! — Григории хотелось хоть немного достучаться до напарника. Как можно быть таким безразличным практически на пороге смерти!

— А что ты хотела почувствовать после заключения брака? Крылья за спиной? — ухмыльнулся Вайтран. — Или, думаешь, магистры ошиблись? Если уж ты меня выпустила, за что тебе, конечно, спасибо, я бы предпочел провести оставшееся время со своей семьей, которую вы с твоим папашей так презираете.

— Я рада, что ты благодарен мне за освобождение, — не сдержалась Гри, — и твою

семью я не презираю! Я с ней вообще не знакома! Да я, как и все остальные, ничего о тебе не знала до сегодняшнего утра!

— Зато сколько теперь узнала! Сколько поводов полить грязью! — и в этих словах было столько боли, ни злости, ни гнева, а именно боли и горечи, что девушка невольно пожалела «супруга». Он массу усилий приложил, чтобы с ним считались, не смотрели как на человека низшего сорта. И не важно, выберутся ли они из этой передрыги, но как раньше уже никогда не будет, в Академии им потом придется нелегко.

— Знаешь, Вайтран, я считала тебя крутым, сильным, настойчивым, — с усмешкой начала Гри, — а ты, оказывается, пасуешь перед первыми же серьезными трудностями, — и, видя, как перекосило лицо напарника, продолжила «доводить до нужной кондиции». — Мы еще живы, а ты уже себя похоронил, домой торопишься, наверное, поближе к маминой юбке.

— Да что ты понимаешь, аристократическая выскочка! — закипел Вайтран.

Клиент готов, подумала Григория, развернулась, и бросила через плечо.

— Аристократическая выскочка собирается бороться за свою жизнь до конца, и если есть шанс спастись, я его найду! А ты можешь бежать к мамочке и плакаться ей о своей несчастной и короткой судьбе. Удачи!

Два шага, а дальше Вайтран оправдал возложенные на него ожидания и даже превзошел. Он резко схватил напарницу за локоть и развернул к себе лицом.

— Не думай, что твои жалкие попытки провокации удались, — прошипел он ей в лицо.

— Просто не могу же я бросить свою жену в непростой жизненной ситуации?

— Я очень рада, что в тебе нашлось благородство, — так же по-змеиному ответила Гри, — очень вовремя, хочу заметить. Так что не будем терять времени, у нас его немного осталось! — и вырвала свою руку из захвата.

Дальше шли молча, у Вайтрана хватило ума не продолжать спор, а Григория, сказать по совести, боялась спровоцировать спутника любой фразой, так он сейчас напоминал затравленного волка, ощерившего клыки. Она даже про себя поражалась, неужели он ждет от нее гадости? Думает, что она начнет сейчас злословить про его семью и происхождение? Неужели и правда считает, что она опустится до такого? С другой стороны, после того, как ее отец прошелся по самым больным его местам, наверное, это было бы неудивительно.

Три часа после ритуала

До храма дошли быстро. В центре храма возвышалась статуя Богини Лады — покровительницы семьи, женщин и детей, той, в чью честь они провели ритуал. Жрецов в основном помещении не было, только служители-подмастерья, одного из которых Вайтран и попросил найти им жреца, желательно, главного. Роль главы семьи он взял на себя легко и охотно, и Гри решила пока не вмешиваться.

— Знаешь, я предлагаю сразу не говорить, что мы истинный брак заключили, а то, боюсь, храмовники могут расценить это как вызов и посягательства на их полномочия и, соответственно, хлеб, — предложил «муж».

— А почему мы, собственно, должны кого-то покрывать? — с нахлынувшим возмущением выпалила Григория. — Ведь если это не ты внес правки в рисунок ритуала, значит это кто-то из магов-преподавателей. Тебе не кажется, что виновные должны быть наказаны?

— Я уверен, что наш декан найдет виновного и церемониться с ним не станет. Но пойми, что в данном случае мы должны думать не только о себе, нам, возможно, и завтрашний день не пережить. А противостояние между жрецами и магами идет давно, все время какие-то стычки и конфликты, я лично не хочу стать причиной нового столкновения между двумя такими опасными сторонами, — и при этом Вайтран даже плечами передернул, вспоминая примеры из недавней истории, кровавые и беспощадные.

Две силы, не подчиняющиеся светской власти, наделенные диаметрально противоположным даром. Маги могут влиять на природу и вещества, жрецы работают с духами и неосвязаемыми материями, вечный спор, кто важнее, главнее и сильнее. И Григория со вздохом согласилась, что подливать масло в огонь сейчас, во время шаткого мира, не стоит. Их «брак» жрецы вполне могут воспринять, как попытку магов отхватить часть чужого пирога, ведь скрепление союзов, ритуал наречения новорожденных и прочие подобные обряды неизменно принадлежат храмовникам.

Собственно, что к ним выйдет главный жрец храма, Гри совсем не ждала. Более того, жрецы вполне могли не откликнуться на их просьбу вообще, поскольку время сейчас было дневное, службу они не несли, а записаться на проведение различных ритуалов и проконсультироваться о чем-то, можно было и у обычных служителей. Но наглость Вайтрана действительно сыграла, и жрец, пусть и не главный, до них все-таки снизошел. Уже немолодой мужчина степенной походкой подходил к ним, особой радости при виде двух магов, оторвавших его от, несомненно, чего-то важного, не выражал. Но на приветственную фразу выдавил даже легкую улыбку.

— Да будет освящен ваш путь божественным светом, дети мои, что привело вас в храм в неурочный час? — последние слова были особо подчеркнуты.

Григория невольно начала раздражаться, подумавшись, они маги. Храмовники оказывают услуги всем, а маги, как и остальные, рождаются, женятся, умирают...

— Простите, жрец, что побеспокоили вас. Но дело у нас важное, — скала спокойствия по имени Рене Вайтран снова стояла на месте. — Мы проводили один магический ритуал, который, по нашему мнению, сказался на наших с женой аурах. Скажите, видите ли Вы отметку о браке?

— Отметки определенно есть, — задумчиво разглядывая их, ответил храмовник. — Да

только они какие-то странные, то ли искаженные, то ли немного приглушенные, как если бы брак был еще не до конца скреплен близостью. Я такого раньше не видел. Но знак брака на ауре сохранился, — жрец еще на мгновение задумался, — а что за ритуал вы проводили?

— Обмен энергией, — быстро ответил Вайтран.

— Странно, подобный ритуал не должен давать никаких побочных эффектов и вообще воздействовать на ауру, — задумчиво произнес жрец. — Вы точно сделали все правильно? Я так понимаю, вы студенты?

— Да, мы студенты Академии магии, и ритуал нам, действительно, не совсем удался, — не стал отрицать очевидное напарник.

— Надо поговорить с вашим преподавателем. Магические ритуалы, в отличие от жреческих, не должны оставлять последствия на ауре или как-то на нее влиять, это очень опасно, и все могло закончиться намного серьезнее.

Григория подавила вздох, куда уж серьезнее. А жрец не был бы жрецом, если бы не нашел возможность ткнуть магов носом в их ошибки. И ведь наверняка не поленится, дойдет до Академии!

— А вы приходите ко мне через месяц, если брачная метка не придет в норму, возможно, придется совершать повторный ритуал, — вынес окончательный вердикт храмовник.

На этом и порешили. И если в храме «супруги» старались держаться, то выйдя из храма, скрыть разочарование уже не смогли.

— Ну что, ты убедилась, что мы женаты и брачная метка у нас нестандартная, я могу быть свободен? — судя по тону, Вайтран знал ответ заранее, даже его поза выражала готовность мгновенно двинуться в нужную ему сторону к муниципальным телепортам.

— Какая свобода? — деланно удивилась Гри, — ты сам слышал, что теперь женатый человек, так что соответствуй новому статусу.

— Хорошо, если ты настаиваешь, буду соответствовать. Предлагаю начать с консумации брака — главной супружеской обязанности.

— Вайтран, — девушка закатила глаза, — мы можем не пережить завтрашний день, а ты все о консумации!

— Конечно, если уж нам осталось немного времени, давай проведем его с пользой, — не смутился напарник.

— Обязательно проведем, — подтвердила Гри, — в библиотеке. Будем искать, как снять или изменить последствия ритуала, или еще что-нибудь, что могло бы нас спасти.

— Ты думаешь, мы сможем что-то найти? Декан ведь сказал, что без вариантов, — парень явно не стремился идти в обитель знаний.

— Он еще сказал, что ритуал не проводят уже лет сто, за это время могли многое забыть. И вообще, он же не жрец, чтобы быть в таких вещах полностью уверенным, — не согласилась девушка. — Надо было все-таки спросить у храмовника про ритуал брака истиной любви.

— Уговорила, — сдался Вайтран, — только идем через столовую, я сегодня с утра голодный.

Тут Григория даже спорить не стала, есть ей тоже хотелось, да и знания на пустой желудок не усваиваются.

Четыре часа после ритуала

В Академии на них косились если не все, то почти все, а в столовой уже и пальцем тыкали не стесняясь. В их магическом академическом болоте, где все развлечения: учеба (весьма сомнительное развлечение), пьянки да дуэли (которые давно приелись), их «свадьба» стала событием даже не года, десятилетия! А уж когда начали всплывать все новые и новые подробности брака, перемешиваясь с фактами из биографии Вайтрана, то и без того нерядовое явление стало просто фантастикой даже по здешним меркам. Григория и думать не хотела, как теперь выглядит их женитьба в глазах окружающих. К счастью, свободные столики были, и взяв стандартный бесплатный обед (Гри не решилась еще больше накалять атмосферу походом к раздаче платных блюд), сели за пустой столик.

Вайтран невозмутимо поглощал содержимое подноса, Григория больше размазывала еду по тарелке, поражаясь выдержке «мужа». Между лопатками был уже не зуд, а настоящий ожог от бросаемых украдкой и в открытую взглядов, девушке казалось, что все сейчас смотрят и обсуждают только их. Как есть в таких условиях?

— Что, Григория, не лезет обычная студенческая еда? — прозвучал гадкий ехидный голос сзади. — Привыкай, на лучшее тебе теперь вряд ли доведется рассчитывать, если только твой замечательный папочка не продолжит оказывать материальную помощь молодой семье.

— Спасибо, Клоран, что ты так заботаешься о нас, — сквозь зубы ответила Гри нахалу.

— Но мы уж как-нибудь проживем без твоих ценных замечаний.

Клоран Ллойд был их однокурсником, и если с Григорией в силу их общего аристократического происхождения общался сносно, то к Вайтрану цеплялся всегда. Правда, границу, за которой мог последовать вызов, не переходил. Младший сын герцога, не наследовавший титул и состояние, а потому и поступивший в Академию магии, не отличался особой силой, и к тем, кто лез на рожон, вообще-то не относился. Правда менее мерзким и злобным от этого не становился. Видимо, роль вечного середнячка, что в семье, где он был никем, что в Академии, где он также не блистал, накладывала отпечаток на характер поверх нереализованных планов, грандиозных амбиций и просто общей ущербности. И вот сейчас этот тип явно решил стать звездой за чужой счет. Как-никак первый подошел к главной паре Академии.

— Ну, я бы не был так уверен относительно ваших жизней, — протянул парень, явно наслаждаясь всеобщим вниманием. В столовой стояла тишина, даже сотрудники на раздаче и те затаились, а студенты отложили приборы. Абсолютно все сейчас следили за ними.

— Ты бы за себя беспокоился, — посоветовала Григория, — или думаешь, что связи и происхождение будут вечно открывать нужные двери?

— Ой, ну о чем ты, — улыбнулся Клоран. — Мы ведь уже в курсе того замечательного ритуала, который вы с Рене прошли, — на этом он посмотрел на Вайтрана, который по-прежнему не обращал на происходящее никакого внимания, продолжал спокойно и не торопясь есть и хоть как-то реагировать на провокатора не спешил.

— Тогда странно, что ты не начал с уместных в данном случае поздравлений, — отмалчиваться девушка не собиралась, пусть и разговор хотелось закончить как можно быстрее. Но послать однокурсника с попутным ветром в спину — значит показать свою слабость, да еще публично.

— Так ведь брак не до конца заключен, вам еще выжить надо. А я слышал, что для истинного брака девственность невесты важна. Как думаешь, Рене, не возникнет ли с этим...

Договорить он не смог. Быстрее, чем кто-то смог опомниться, Вайтран оказался рядом с наглецом и одной рукой заломил руку Ллойда за спину, а другой прижал к столу, лицом прямо в размазанное по тарелке рагу Григории, что та еле успела отскочить.

— Я думаю, для вызова на дуэль ты здесь достаточно наболтал, — не давая противнику даже пошевелиться, произнес Вайтран, — так что через пятнадцать минут в шестом тренировочном зале. Умыться не забудь.

И, взяв за руку Григорию, неторопливо вышел из столовой.

— Спасибо, — только и выдавила из себя девушка.

— За то, что не позволил продолжать поливать нас помоями этому ублюдку? — картинно поднял бровь парень. — Да, в общем, не за что.

— Слушай, может, не стоило, а? — заволновалась Гри. — Вдруг он тебя серьезно ранит?

— Ты еще скажи, убьет, — усмехнулся напарник. — Этот задохлик ни в обычной, ни в магической драке опасности не представляет. К тому же, моя жена ведь не откажется за меня поболеть?

И, вроде, сказано это было так невинно и с юмором, но что-то было в его тоне, в том, как он украдкой на нее взглянул, что Григория, которая и до этого не собиралась пропускать поединок, сейчас сильнее сжала руку мужа и честно ответила.

— С удовольствием посмотрю, как ты надерешь ему зад!

— Какое ужасное выражение для благородной девушки, — с улыбкой заметил Рене.

— Зато для разозленной магессы в самый раз.

Так, за несерьезными разговорами они и дошли до нужного зала. Самое невероятное, что около него уже начинала собираться приличная толпа студентов всех курсов и потоков, успевшая к дуэли даже раньше самих дуэлянтов! Гри только цокнула языком, видимо, сидевшие в столовой не пожалели магии на вестников и разослали сообщения всем, кого знали.

Пять часов после ритуала

К назначенному времени зал, предназначенный для занятий, был набит битком, народ толпился вплотную к линиям безопасности, от духоты не спасали даже открытые настежь окна. Судя по гвалту из коридора, там тоже было не протолкнуться, а по отдельным выкрикам становилось понятно, что особо предприимчивые устроили тотализатор и принимали ставки. Григорию радовало только то, что ставок на Вайтрана было больше и коэффициент у него существенно ниже, чем у противника. Значит, в него верят, несмотря на все их злоключения. Других положительных моментов девушка не видела. Магические дуэли (на которых и кулаки часто шли в ход, когда магия растрачивалась на показательные эффекты для зрителей) всегда собирали народ, но такого ажиотажа Гри не видела ни разу больше чем за три года учебы. Еще бы, сначала новость об их женитьбе, да еще через ритуал брака истинной любви, произвела настоящий фурор, а теперь магическая дуэль практически за честь жены. Есть на что посмотреть!

Только Григория не находила себе места от волнения. Пристроившись у окна, чтобы иметь хоть небольшой доступ к воздуху, девушка наблюдала, как Вайтран переговаривается со своим секундантом и секундантом оппонента, главная обязанность которых — следить, чтобы вовремя остановить дуэлянтов во избежание смертельных случаев, а также подстраховать, вовремя накинуть щит, если дело опять же вышло из-под контроля. Но Григория не могла отделаться от мысли неправильности происходящего. Ллойд, хоть и не был образцом добродетели, такого в отношении нее себе раньше не позволял, все же они почти равны по происхождению. Все это было слишком явной и грубой провокацией, любой нормальный мужчина не сможет спустить оскорбление жены, каким бы ни был их брак. А значит, у Клорана был какой-то козырь в рукаве, иначе середнячок не стал бы так открыто нарываться на сильнейшего ученика курса. Размышляя обо всем этом, Григория смотрела на мужа и боролась с желанием подойти и поговорить. Он ведь не дурак, сам должен догадаться о том, что что-то нечисто. Да и в дуэлях его опыт несоизмеримо больше. Тут надо отметить, что у Григории подобного опыта не было вообще, да и в качестве зрителя она такие мероприятия не жаловала. На обычных тренировках и то порой бывало интереснее, а дуэли часто проводились исключительно как красивое представление, маги использовали заклинания сплошь со звуковыми и световыми эффектами, что всегда производило впечатление на первокурсников, но на четвертом году обучения зрелище становилось весьма унылым и наигранно показушным. Впрочем, Вайтран в подобных дуэлях замечен не был.

И вот, наконец, противники с секундантами разошлись на позиции, все разом затихли и замерли. Григория даже боялась сделать лишний вдох, что не пропустить ничего. Вот кто бы ей хоть день назад сказал, что она будет так переживать за Вайтрана на дуэли, только у виска бы покрутила и посмеялась, а тут стоит и моргнуть боится.

Вайтран сделал первый выпад, Ллойд даже не пошевелился, вокруг него вспыхнула защитная сфера, и Гри ахнула. У магических дуэлей были свои негласные правила, и использование артефактов по ним считалось, по меньшей мере, неспортивным приемом, а то и вовсе поводом для остановки поединка. Но Клоран явно не гнушался методами на грани дозволенного и поставил перед собой цель победить, во что бы то ни стало. И ради этого даже не пожалел сильнейший защитный артефакт, явно фамильный, стоивший целое состояние, уже по тому, как ярко вспыхнула защитная сфера, было понятно, что мощь и

резерв артефакта очень велики. И, может, это не было бы такой большой проблемой, если бы не ополовиненный резерв Вайтрана! Ему же сначала нужно вбухать кучу сил, чтобы пробить защиту, или дождаться, пока щит исчерпает заложенный в него потенциал, но это время нужно продержаться и самому Вайтрану!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

И она еще считала Ллойда относительно неплохим! Он же в курсе ситуации с резервом, не мог не быть! Григория сжала кулаки, как-то повлиять на дуэлянтов девушка не могла, это бы ей не простил и сам Вайтран, оставалось только следить и молиться Ладе, связавшей их судьбы. Она была уверена, что до серьезных травм не дойдет, за это Клорана по головке не погладят, но нанести противнику урон, с которым уже нельзя продолжать сражаться — вполне возможно. А муж ей сейчас необходим не просто живой, но и здоровый! Им ведь нужно как-то выкрутиться из этого дурацкого брака, иначе они вообще не жильцы! А Вайтран был бы не Вайтран, если бы остановился и потребовал дезактивировать артефактную защитную сферу, и попытки своего секунданта вмешаться, он также пресек на корню. Так что бой с преимуществом Клорана продолжился, заставляя Григорию нервничать еще сильнее, о том, глупость это со стороны напарника или отчаянный героизм, она решила подумать, когда все закончится.

Ллойд начал нападать, сначала несерьезно, просто прощупать противника, но потом атаки усилились. Его полный резерв был не намного больше уполовиненного вайтрановского, но все же мощный щит давал слишком весомое преимущество. И подлец все больше давил, пользуясь своей временной неуязвимостью. Теперь уже Рене был вынужден поднимать щит, так как отбивать мощные атаки стало слишком сложно, только у него никаких артефактов не имелось. Гри краем глаза заметила, как напрягся его секундант, их однокурсник — такой же парень из низов, как и сам Вайтран, пусть и не столь талантливый, он был хорошим другом Рене. Они часто становились в пару на занятиях, и Кюйт, почти всегда выступавший его секундантом на дуэлях, был, несомненно, опытнее девушки. Так что его нервозность, нарастающая на глазах, весьма показательно отражала ситуацию, складывающуюся не в пользу Вайтрана. Щит Ллойда начал медленно, но неуклонно меркнуть, еще немного, и защита спадет. Для Клорана это тоже было очевидно, и заклинания, которыми он начал разбрасываться, пошли совсем не для дуэлей.

Кюйт попытался было остановить творящийся беспредел, но Рене быстро одернул друга и, стиснув зубы, практически из последних сил поддерживал щит и параллельно напал на соперника. Щит Клорана замерцал, еще несколько секунд! Вайтран зарычал и ударил стеной огня, на это Ллойд, также вычерпав все, что было в резерве, запустил сеть молний. Миг, и столкнувшиеся заклинания с одинаковым потенциалом вошли в резонанс, а затем взорвались с оглушительными эффектами, которые так любят показушники. Да только взрывная волна, раскидавшая обоих противников и чудом не снесшая стоящую в зале защиту, была совсем не шуточная.

Не дожидаясь сигнала об окончании боя, Григория кинулась к своему напарнику. Тот медленно вставал, никаких видимых повреждений на нем не было, правда, вид он имел отнюдь не цветущий. Клоран так и остался лежать, наверное, в момент взрыва его защитный артефакт уже разрядился, а поднять новый щит не было ни сил, ни времени. Пока активисты проводили в себя Ллойда, зрители аплодировали победителю, коим без возражений стал Вайтран. Сам победитель, не обращая ни на кого внимание, уверенно пробирався через навалившуюся толпу к выходу. На Григорию он также внимание не обращал, а через

столпившихся зрителей пробраться было весьма сложно, как и перекричать воодушевленных таким захватывающим зрелищем студийцев.

Наконец, выйдя из душного зала, в менее душный и забытый коридор, девушка осмотрелась, но Вайтран уже успел улизнуть. В то, что к целителям он не пойдет, Гри почему-то не сомневалась, как и в том, что помощь лекарей ему бы совсем не помешала. Тогда оставалось мужское общежитие, но где именно искать там Рене, она не представляла. Кюйт оказался посланником небес! Он, также протискиваясь через ошалевший народ, вылез на свободное пространство и двинулся в сторону общежития.

— Кюйт! — окликнула его Гри, парень остановился и стал оглядываться в поисках зовущего. — Ты ведь к Вайтрану? Проводишь меня до его комнаты?

— Пошли, — пожал плечами однокурсник.

По дороге он вел себя почти равнодушно, но иногда бросал на девушку странные взгляды. О главной новости сегодняшнего дня Кюйт не мог не знать, но с вопросами приставать не спешил, за что Гри испытывала искреннюю благодарность. Дошли они быстро, Кюйт остановился рядом с дверью, которая на поверку оказалась заперта. Григория требовательно постучала, но отвечать никто не спешил.

— Может, он не к себе пошел? — спросила она у провожатого.

— Дверь закрыта изнутри, так что он точно в комнате.

Григория еще раз постучала, снова безрезультатно.

— Хоть дверь выноси! — в сердцах воскликнула девушка. — Все равно такими темпами она ему уже завтра не понадобится!

— Спокойно, — Кюйт отеснил ее подальше. — Ему не понадобится, мне понадобится. Это же наша общая комната, — ответил на вопросительный взгляд однокурсник.

Один пасс рукой, и дверь приглашающе распахнулась.

— Сразу бы так, — буркнула Гри, и прошмыгнула первая под рукой у Кюйта. Она как-то и забыла, что не все живут в отдельных комнатах с удобствами.

Правда, открывшийся вид на мгновение заставил ее замереть у входа, а потом броситься к напарнику. Если под темной одеждой раны были незаметны, то сейчас, кроващие и обожженные полосы на голом торсе Рене выглядели на первый, да и на второй взгляд просто ужасно.

— Тебе надо к лекарям! Срочно! — налетев на напарника, выпалила Григория. Она с ужасом разглядывала магические и обычные ожоги. И те и другие были очень болезненны.

— Я как-нибудь без тебя разберусь, — отодвинулся от нее парень.

— Если бы ты разобрался, то сидел бы уже в целительском! — не сдавалась Григория.

— Слушай, я не первый раз в дуэлях участвую, и прекрасно знаю сам, что надо делать! Так что не испытывай мое терпение, выйди из комнаты и подожди меня, да хоть в библиотеке, до которой мы так и не дошли! — Вайтран и без того обычно не благодушный, сейчас прямо-таки излучал раздражение и злость.

— С чего это ты меня выставляешь? — начала заводиться Гри, у которой за день накопилось уже столько, что злым Вайтраном ее не напугать. Да еще с пустым резервом.

— Да хоть с того, что порядочные девушки не находятся в одной комнате с почти голыми мужчинами! — зарычал на нее Рене.

— Так я же твоя жена, мне позволено! — Григория впервые подумала, что какие-то преимущества ее положение дает, и грех ими не воспользоваться. — Ты даже половину своих ран обработать не сможешь, а ведь многие еще и перевязать надо!

— С этим всегда прекрасно справлялся Кюйт! — добровольно помощь Вайтран принимать не собирался.

— Я думаю, вы тут и без меня разберетесь, — неожиданно подал голос Кюйт, о котором Гри успела забыть, и быстренько вышел, снова заперев дверь.

— Ну что, — девушка победно взглянула на напарника, — видимо, сегодня у тебя будет другой помощник. Где перевязочный материал и чем вы обычно свои раны обрабатываете?

Вайтан еще немного поколебался, но в итоге сдался и достал полноценную аптечку, в которой было все необходимое для первой помощи. Аккуратно расставляя нужные пузырьки и подготавливая чистые повязки, Григория уже спокойно разглядывала своего напарника, а в нынешнем положении мужа. Все же это был тот редкий случай, когда любопытство вполне можно прикрыть благой целью изучения ран для последующего лечения. А, надо отметить, посмотреть было на что. Сложен Рене был отлично: к изначально хорошей фигуре добавлялась вполне развитая тренировками мускулатура. Но долго рассматривать Вайтрана Григория себе не позволила, часть повязок она пустила на смачивание обезболивающими и обеззараживающими растворами, остальные же пошли на перевязку поверх заживляющих мазей. Накладывать повязки на парня оказалось не так легко, да и, обматывая широкую грудь напарника, Григория была к нему непозволительно близко, прижимаясь практически вплотную, а сам процесс так напоминал объятья, что лицо у девушки быстро стало пунцовое, а руки подрагивали, несмотря на все усилия. Так что на Вайтрана она не смотрела и радовалась уже тому, что он обходится без своих обычных язвительных комментариев. Хотя нельзя не отметить, что последние часы их вообще заметно сблизили. Их отношения, всегда прохладные и натянутые, изменились в лучшую сторону.

Когда, наконец, с оказанием помощи было покончено, Григория облегченно выдохнула и отошла подальше и отвернулась, давай возможность напарнику одеться.

— Спасибо, — коротко поблагодарил Рене, осмотрев умело сделанную перевязку.

— Обращайся, — махнула рукой Гри, стараясь придать голосу побольше небрежности. — Сейчас мы можем, наконец, пойти в библиотеку?

— Можем, — согласился Рене, уже полностью одетый в новую одежду, и открыл дверь для дамы.

Шесть часов после ритуала

До библиотеки они дошли без приключений, хотя Григория ждала подлянок отовсюду, поэтому крепко держала Вайтрана под руку во избежание недоразумений и новых вызовов. Огромное помещение с бесконечными рядами стеллажей, кучей столов, стульев, кресел нагоняло тоску и плохие ассоциации с сессией. Сейчас, когда времени до экзаменов было бесконечно много, по студенческим меркам, конечно, библиотека простаивала почти пустой, только несколько столов были заняты, так что напарники выбрали самый укромный в углу у окна и начали перебирать картотеку. Книг по магическим ритуалам оказалось великое множество, а вот книг, где были бы жреческие ритуалы, набралось всего пять штук. Вайтран проявил себя настоящим мужчиной, пролистав все книги и оставив себе одну, да еще не самую толстую, а четыре скинув на девушку.

Справедливое возмущение Гри было подавлено в зародыше жалостью к несчастному побитому жизнью и вероломным врагом на дуэли, обессиленным и с пустым резервом бедолаге. Григория только вздохнула, вспомнив, как излучал недовольство Вайтран при обработке ран. А дальше Гри было не до праздных дум, талмуды попались очень объемные, старые, а, значит, не имеющие ни содержания, ни какого-то указателя или хотя бы глоссария в конце. Так что приходилось пролистывать ветхие страницы, да еще с осторожностью, портить такие книги рука не поднималась. Пролистав две, Гри решила сделать перерыв, в глазах рябило, голова налилась тяжестью и с трудом поворачивалась на затекшей шее.

Вайтран же сидел, глядя куда-то в пустоту задумчивый и какой-то подавленный.

— Думаешь, все зря? — озвучила терзавшую мысль девушка. — Мы зря стараемся и завтра все равно умрем?

Вайтран вскользь взглянул на нее и снова устремил взор вдаль. С ответом он не спешил, а, может, совсем не собирался отвечать.

— Рене, — Григория впервые обратилась к однокурснику по имени, чем-таки привлекла внимание. — Я, наверное, эгоистично поступаю, прося тебя проводить время со мной. Время, которого у нас и не осталось совсем...

— Почему эгоистично? — поднял брови парень. — Ты же для нас стараешься, ищешь способ спастись.

— Да, только вот есть ли он, этот способ? Я наткнулась на несколько упоминаний ритуала, и ни одно, понимаешь, ни одно из них не допускает для нас счастливого финала.

Ком неожиданно встал в горле, и Гри отвела взгляд, чтобы спрятать непрошенные слезы. Жить очень хотелось, и чем меньше времени оставалось, тем страшнее становилось. А еще неотвратимо надвигалось осознание истины — это конец. Никакого способа разорвать брак или хотя бы отсрочить исполнение ритуала, нет.

— Григория, не отчаивайся, — Вайтран взял ее руку в свои, — возможно, все не так плохо. Может, магистр Актовинан ошибся.

— Знаешь, это очень слабое утешение. Ты ведь понимаешь, что не будь декан уверен, он бы не стал нас так пугать. Да и профессор Гельерме подтвердил, а он вообще любой ритуал, кажется, с закрытыми глазами провести может, — слезы как-то сами собой потекли по щекам, и остановить их не получалось.

— Гри, ну что ты, — начал было парень, но дослушивать его Григория не стала.

— Рене, езжай к своим родным, — твердо сказала девушка, — у тебя есть с кем

провести время, воспользуешься телепортом Академии, хоть проститься успеешь. В конце концов, ты же не виноват, что мне его проводить не с кем, вот поэтому и я занимаюсь ерундой, пытаюсь совершить невозможное. А ты можешь потратить время действительно с пользой.

— Неужели тебе не с кем провести последние часы? — удивился парень. И удивление его было настолько искренним, и чувствовалось в нем неподдельное участие и интерес, что Гри не могла сдержаться.

— У меня только отец, который унесся решать мою нынешнюю проблему. Есть, конечно, несколько подруг, но не думаю, что наша дружба подразумевает душевную близость. Даже уверена, что дружбы никакой не было, так, общие интересы наших семей и подходящие знакомства для благородной девушки.

— И больше никого?

— Уже здесь я обзавелась несколькими подругами, да только все равно к ним бы я сейчас не пошла. Мамы не стало, когда мне было шесть, умерла родами вместе с моим братиком. Отец потом все собирался жениться, наследник-то нужен. Но он у меня вечно занят, вовремя не успел, а потом сказал, что уже слишком стар, да и желания нет. Видимо, холостяцкая жизнь ему больше по вкусу. Все возлагал на меня надежды, что титул получат мои дети...

— А почему ты вообще в Академию пошла? — вдруг спросил Вайтран. — Обычно девушки из благородных семей идут сюда, только если никаких других перспектив нет, а тебя все равно ждало замужество, и вряд ли ты стала бы потом практикующим магом.

— Знал бы ты, как меня отец отговаривал, — улыбнулась воспоминаниям Гри. — Он тоже никак не мог понять, зачем мне все это. А я искренне надеялась, что смогу все-таки выйти из-под опеки родителя и добиться всего самостоятельно. Чтобы быть не только графской дочкой, но и магессой, которая чего-то стоит сама по себе, без богатого приданого и титула в придачу. Да и жаль было хоронить свои способности, они мне от мамы достались, а мама всегда сокрушалась, что кроме простых фокусов, которыми развлекала меня, больше ничего не умеет. А мне те фокусы в детстве казались настоящим чудом, я еще тогда мечтала пойти в Академию магии и выучиться на великую магессу. Я совсем заболталась, да? — Григория виновато взглянула на напарника. — Прости, я не держу тебя, честно. Езжай домой, пусть будет так, как будет.

— А знаешь, — Рене даже резко вдохнул, чтобы, как в воду нырнуть, выдать следующую фразу. — Поехали со мной.

— Что? — Гри подумала, что ослышалась.

— Если тебе некуда идти, поехали со мной. Если, конечно, тебя не смущает, что семья у меня самая простая и не самая благополучная. — Вайтран в упор смотрел на девушку, ожидая ответа, а та медлила, принимая решение.

— Не знаю, насколько это прилично, — наконец начала она. — Все-таки что подумают, если ты неожиданно со мной приедешь.

— Ну, как ты сама сегодня сказала, ты моя жена, — облегченно улыбнулся Рене, — так что ничего плохого в любом случае не подумают. Вставай! Только [книги](#) надо по местам разложить.

Восемь часов после ритуала

Телепорт Академии вынес их в небольшой город Канбер, откуда и был родом Вайтран и где жила его семья. В целом, небольшой провинциальный город недалеко от столицы ничем не отличался от десятков других, в меру чистый и ухоженный. Их цель находилась в промышленной части Канбера, где обосновались как небольшие фабричные производства посуды и стекла, так и маленькие текстильные мануфактуры или даже семейные лавки одежды и утвари.

В таких местах Григории бывать не доводилось, так что девушка жадно рассматривала все вокруг, пока Рене невозмутимо шел рядом и также невозмутимо отвечал на достаточно частые приветствия.

— А тебя здесь многие знают, — заметила Гри.

— Да, когда-то у нас была здесь кузнечная мастерская, но ее пришлось продать после несчастного случая, стоившего отцу руки, — ответил Рене.

И пусть голос его звучал ровно, девушка поняла, что тема это для него не самая легкая и приятная, так что решила не продолжать.

— Знаешь, — неожиданно сказал парень, — моя семья не всегда была такой как сейчас. Когда-то у нас все было хорошо, мы жили сыто и счастливо. Хотя я сам уже с трудом в это верю, — невесело усмехнулся он.

— Что за несчастный случай произошел в кузнице? — не сдержала вопроса Григория.

— При закалке металлов иногда температура нужна выше, чем может дать уголь, тогда берут специальные растворы и присыпки — обычная практика. Мой отец не раз их использовал, но однажды попалась некачественная смесь. Она взорвалась прямо в горне, когда отец раздувал меха. Множество ожогов были ерундой в сравнении с оторванной рукой, — Рене вздохнул. — Как ты понимаешь, одноруких кузнецов не бывает. Я был слишком мал для кузнечного дела, в тринадцать даже кузнечный молот слишком тяжел, не говоря о других аспектах работы с металлами. Когда отец понял, что дело, которое начал еще его прапрадед, придется продать, чтобы хоть как-то поправить дела семьи, то просто сломался и начал пить. У матери на руках было нас четверо: я самый старший, дальше две сестры, брат, ему тогда было два. Да еще и она сама была в положении, но выбора не осталось, и ей пришлось пойти работать прачкой. Именно из-за этого моя младшая сестренка родилась больной. Ее легкие постоянно заполняются кровью. Чтобы вылечить болезнь полностью, нужны очень большие деньги, которых у нас нет. Приходится постоянно подлечивать, но с каждым годом ситуация все хуже.

На этом парень надолго замолчал, уйдя в себя и свои нехорошие воспоминания.

— Извини, — Рене опомнился, — я не собирался окончательно портить тебе настроение. Просто хочу, чтобы ты знала, мои родные не по своей вине стали такими, какими они сейчас являются. Когда-то мы были вполне благополучной семьей.

— Тебе не нужно оправдываться, — успокаивающе улыбнулась Григория. — Важно, что собой представляешь ты сам.

Она даже не подозревала, с какими трудностями столкнулся Рене. Было бы странно, если бы после всего у него сформировался веселый и жизнерадостный нрав. А еще догадывалась, о чем он умолчал. Про то, как тринадцатилетний мальчик стал, по сути, главой семьи. Зная его ответственность, которую Вайтран не раз демонстрировал во время

учебы, он точно делал все, чтобы как-то помочь близким.

— Рене, — неуверенно начала Гри, — а как ты вообще попал в Академию? В смысле, тебе же, наверняка, приходилось работать.

— Да, — с улыбкой ответил Вайтран, — я долго решался на поступление. Просто понял, что это единственный способ для моей семьи выбраться из нищеты. Разнорабочий без образования много не заработает, а вот дипломированный маг с высоким уровнем дара — более чем.

— А у вас все в семье такие магически одаренные? — Григория чувствовала, как подкрадывается к тому, что скрывал все годы обучения Вайтран.

— Дар есть у всех, но такой сильный — только у меня. Это от деда по отцовской линии. Сам отец дар не унаследовал, а мне он перешел в полной мере.

Дальше девушка выпрашивать не стала, да и они незаметно за разговорами подошли к дому Вайтрана. Он был достаточно большой, но обветшалый. Сразу видно, что средств на его поддержание у семьи не было.

Внутри убранство было очень скудным, только самое необходимое, ни о каких картинах на стенах речи даже не шло. Грубо сколоченные столы и стулья, самые простые шкафы, рогожи на полу. В доме стояла тишина и пустота, Рене быстро обежал его, дабы убедиться, что и правда никого нет, и остался данным фактом весьма озадачен. Все-таки семья большая, уж кто-то должен быть дома.

— Странно, — парень стоял несколько растерянный. — Куда могли все деться?

На раздавшийся стук он мгновенно сорвался и открыл дверь. Пожилая женщина, не спрашивая и непрестанно причитая, вошла внутрь.

— Что случилось? — оборвал бесконечный поток всхлипов Вайтран.

— Лили поплохело, — с всхлипом ответила старушка. — Лекари приехали и забрали ее в госпиталь, говорят, дело совсем худо.

Рене, уже дернувшись было к двери, обернулся на Григорию. Но оставаться в чужом доме одна девушка не собиралась, как и бросать напарника сейчас.

— Бежим, — просто ответила она на невысказанный вопрос, и уже как-то привычно взяла его за руку.

— У нас по пути будет оживленная улица, может, сможем поймать извозчика, — на ходу обнадежил ее Рене.

За парнем Гри действительно почти бежала и все равно понимала, что является балластом и изрядно замедляет его скорость. Так что к обещанной оживленной улице она добралась уже без сил и запыхавшаяся. Да уж, видел бы ее сейчас отец...

Девять часов после ритуала

С извозчиком проблем, к всеобщей радости, не возникло, и вскоре они прибыли к зданию госпиталя, достаточно большого для провинциального города. Взбежав по ступеням внутрь, Рене сразу, ни о чем не спрашивая дежурного, направился к лестнице на второй этаж, а там свернул в один из коридоров. Вайтран уверенно и явно не впервые шел по этому маршруту. Сколько раз им уже приходилось бороться за жизнь девочки?

Но мимо нужной комнаты они не прошли бы в любом случае. Около нее в коридоре сейчас собралась почти вся семья, вместе с рыдающей матерью и смотрящим в пол одноруким отцом, стоявшим поодаль, будто не осмеливаясь подходить к своим родным. Зато Рене отсутствием решимости не страдал, он подошел к матери и обнял ее за плечи, а вот Григория не знала, уместно ли сейчас вообще ее присутствие и не зря ли она согласилась на приглашение Рене. А еще не было видно его младшего брата.

Внимания на нее никто не обращал, и девушка так и осталась стоять в нескольких шагах, стараясь не смотреть на убитую горем семью. Только не слушать никак не получалось. Сестра, видимо вторая по старшинству, начала сбивчиво и довольно громко говорить, как у младшей, Лили, случился очередной приступ, но дома был только отец, который спал и не слышал ее хрипов. Она чудом продержалась до прихода брата из школы, но проблема была в другом.

— Целители делают все возможное, но говорят, уже слишком поздно. Сейчас ее может спасти только чудо или полное исцеление. Но даже если мы дом продадим...

И девушка разрыдалась, не в силах продолжить мысль.

Григория представляла, сколько стоит исцеление от серьезной болезни. И дело было не в жадности лекарей, а в стоимости артефактов при этом используемых. Как правило, не менее десятка дорогостоящих артефактов, каждый стоимостью как их дом, а некоторые могут быть и подороже. Девушка закусил губу. Собираясь утром на сдачу задания, она не брала денег и не одела ни одного украшения, кроме того, что не снимала никогда...

— Рене, — Григория аккуратно пробралась через безутешных родственников, — у меня есть предложение, как спасти твою сестру.

И вот сейчас ее заметили все. Но девушка не собиралась тушеваться под пристальным вниманием новоприобретенной родни (которая, к тому же, еще не знала об их родстве).

— Держи, — она стащила с пальца перстень.

Перстень, принадлежавший матери и ее роду. Сейчас Гри не хотела думать о том, с чем именно расстается. Покойникам украшения не нужны, даже старинные и фамильные, а вот жизнь ребенка спасти помогут.

— Григория, — Рене явно был в шоке, перстень с крупным изумрудом и россыпью бриллиантов даже на неопытный взгляд выглядел невероятно дорого, а уж если присмотреться, так и просто казался бесценной вещью. — Мы не можем, — впервые Гри видела парня таким растерянным, он ведь прекрасно понимал, что нужную сумму им не найти, а тут такой шанс. — Это слишком дорогая вещь, да и ее ценность ведь не только в камнях.

— Кольцу почти триста лет, оно принадлежало моей маме и передается только женщинам рода или семьи. Твоя сестра, по большому счету, не выбивается из этого правила, — попыталась немного разрядить ситуацию шуткой девушка. Да только остальным

было не до шуток.

Мать Рене умоляюще смотрела на сына, который никак не мог решиться взять в руки кольцо, сестры затаили дыхание, также ожидая решения, даже отец подошел, чтобы взглянуть на причину воцарившейся тишины. Но говорить Рене немедленно взять кольцо, пока девушка не передумала, никто не собирался. Видимо его авторитет в семье был заоблачно высок. Все это Григория отмечала походя, неотрывно глядя на Вайтрана, явно борющегося с собой. Негодование накрывало Григорию: даже на краю жизни, чтобы спасти сестру, этот осел не может переступить через свою гордость!

Чем бы все закончилось, выяснять не пришлось. Дверь открылась, и в коридор вышли трое целителей, халаты которых были забрызганы кровью.

— Мы ничего не можем сделать, — развел руками старший. — Только облегчить последние часы Лили, отправив ее в забвение.

Тут уже Гри не выдержала, а просто всучила перстень Вайтрану. «Давай же!» — шепнула ему на ухо. Парень поймал ее руку с перстнем и на мгновение сильно сжал, и было это намного искреннее, чем десятки неуместный сейчас слов.

Рене рывком подошел к целителям и, показав им перстень, начал просить принять его в оплату. Конечно, на месте это не решалось, все-таки ювелирные украшения это не монеты, принимаемые всегда и везде, поэтому они пошли к главе местного целительского корпуса. Все это время Григория стояла поодаль от семьи Вайтранов, которые бросали на нее взгляды, но не подходили с вопросами. И, наконец, в палату зашло сразу несколько целителей с ассистентами, несущими объемные артефакты, значение которых Гри не угадала, но сложность плетений и чарования оценила. Да уж, хорошо, что она не выбрала специализацией лекарское дело, мало того, что учиться на два года больше, ответственность огромная, так еще и работа очень сложная. Чтобы правильно настроить и активировать такие артефакты, нужны не дюжий опыт и мастерство.

Еще через несколько минут подошел и сам Рене, глаза у него лихорадочно блестели, и вообще был он какой-то не такой.

— Гри, мы в неоплатной долгу перед тобой! — заявил он сходу и, взяв ее за руку, повел знакомить со своей родней, которая только этого и ждала.

Не успел парень представить Григорию, как свою однокурсницу и подругу (хоть не жену!), как его мама бухнулась девушке в ноги и, схватив за подол платья, начала благодарить, обливаясь слезами. Благодарности сквозь слезы радости сестер и скупой кивок отца Гри даже не заметила, пытаясь поднять с колен женщину. Но та поймала ее руки и начала их судорожно целовать, ставя девушку в еще более неловкое положение.

Ситуацию спас Рене, все-таки поставив мать на ноги и стараясь утешить, хотя женщина все равно порывалась высказать благодарность их благодетельнице. Более-менее приведя в чувство мать, он отвел Григорию в сторону.

— Прости, я не смог им сказать правду о нас, — почему-то извинился он.

— И хорошо, что не смог! У тебя очень эмоциональная семья, кроме отца, конечно.

— Он тоже переживает, — вздохнул Вайтран, — он всегда держал все в себе, ни с кем не делился. Думаю, если бы он искал поддержку у семьи, а не в бутылке, все могло быть совсем иначе.

— Тогда понятно, в кого ты такой упрямый, скрытный и замкнутый, — улыбнулась Гри.

— Кстати, а где твой младший брат? Ведь именно он обнаружил дома Лили.

— Не знаю, где его носит, — отмахнулся Рене. — Лишь бы в какую передрыгу ни

угодил, сил вытаскивать и его, у меня уже нет.

— А что, часто такое случается?

— Да постоянно. Отец уже не тот, что раньше, я уехал, а брат возомнил себя главой семьи. Только вместо ответственности воспринимает это положение как вседозволенность.

— Это, просто, возраст такой, — постаралась успокоить его девушка.

— Это просто отсутствие должного воспитания, — отмахнулся Рене. — Хочешь, перекусим? Здесь на первом этаже неплохая столовая, все равно ждать придется больше часа.

Отказываться Гри не собиралась. Все-таки пообедать она толком не смогла, а потом как-то не до еды стало. Зато сейчас, вспомнив, что почти ничего не ела за день, она ощутила просто зверский аппетит, так что даже порцию взяла двойную.

— А тебя, оказывается, непросто прокормить, — задумчиво протянул Рене, — а с виду-то и не скажешь.

Григория отвечать ничего не стала, до того хотелось есть. И даже взгляд Вайтрана, который постоянно останавливался на ней, аппетит не портил.

— Гри, ты понимаешь, что сделала для моей семьи? — не выдержал парень.

— Помогла спасти твою сестренку. — небрежно пожала плечами девушка. Ей почему-то очень не хотелось, чтобы Рене начал испытывать к ней исключительно благодарность, способную заслонить все остальные чувства.

— Мы уже много лет живем с ожиданием ее смерти, а ты подарила нам настоящее чудо.

— Рене, пожалуйста, — Григория отложила ложку поняв, что не отделается от разговора, — я могла это сделать и сделала.

— Знаешь, я ведь всегда считал тебя гордой и заносчивой, — улыбнулся Вайтран, — я рад, что ошибался.

— Да ты обо всех окружающих был невысокого мнения, — не сдержалась Гри, — и со многими девушками говорил непозволительно грубо.

— Ну, с тобой, предположим, грубо не поговоришь, язык у тебя еще то жало, уколёт — не заметит, — улыбнулся парень.

— Да ты со мной вообще почти не говорил, — поддержала его улыбку Григория.

— Почему? Я пытался, только ты, в свою очередь, тоже не стремилась уделять мне внимание.

— Я была уверена, что ты отошьешь меня, как и других девушек, пытавшихся с тобой поладить, — пожала плечами Гри.

— И поэтому ни разу не подошла? — не поверил Вайтран.

— Ну, не только, конечно, — уклончиво ответила Григория.

— Рене! — к ним подбежала одна из сестер Вайтрана, — Лили пришла в себя! Она очень хочет видеть вас обоих!

Поднимались все почти бегом, перепрыгивая через ступеньки, практически ворвались в комнату, которую занимала Лили. В ней набилось столько народу, что не протолкнуться. Кроме трех лекарей и двух ассистентов, был сам глава целительского корпуса, лично пришедший проконтролировать процесс выздоровления. Семья Вайтранов, за исключением младшего брата, а еще две девушки, по виду ровесницы Лили, сейчас восторженно щебетали и наперебой рассказывали, как испугались за подругу. Но при появлении Григории с Рене в сопровождении сестры, разговоры резко стихли.

— Ну, ты как, сестренка? — Рене аккуратно примостился на краешек кровати и

погладил сестру по голове.

— Теперь я знаю, что такое вдохнуть полной грудью, — улыбнулась девочка. Она была явно похожа на мать, когда у Рене были черты отца, отметила для себя Гри. — Спасибо! Мне рассказали, кому я обязана жизнью, — она улыбнулась Григории, — познакомишь меня со своей девушкой?

— Это просто подруга, ее зовут Григория Андергард, — неожиданно поспешно поправил сестру Рене, а Гри стало как-то обидно. Вообще-то она жена, пусть и нелюбимая и поневоле. Но потом девушка быстро одернула себя за глупые мысли, вот она, женская логика в действии.

— Спасибо тебе большое! Мне жаль, что из-за меня тебе пришлось расстаться с фамильной ценностью, из-за меня всегда только одни неприятности и хлопоты... — Лили виновато смотрела на окружавших ее людей.

— Лили, — Григория подошла к кровати, — не говори глупостей. Неприятности, время от времени, доставляют все дети, на то они дети, — улыбнулась Гри. — А твои близкие тебя очень любят, поэтому и делали все возможное, чтобы ты жила. К тому же я рада помочь такой замечательно и сильной девочке!

— Какая же я сильная? — удивилась Лили, — наоборот, всегда и во всем была самая слабая.

— Ты выжила, вопреки всему! — не согласилась девушка, — Дождалась помощи сначала дома, а потом и в больнице продержалась до нашего с Рене прихода. Разве ты не умница?

— Так, все, — оборвал их разговор один из врачей, — потом поговорите, можно уже не спешить, Лили однозначно будет жить. А сейчас ей нужен покой для скорейшего восстановления.

Григорию резануло по живому, у них-то этого времени нет. Но, видимо, сама судьба привела ее сюда именно в этот день, не иначе. Здорово, если хоть что-то хорошее успела за сегодня сделать...

— Гри, ты чего, — парень внимательно в нее всматривался, — я надеюсь, ты не жалеешь о содеянном? Если есть возможность вернуть кольцо, то мы предпримем все усилия!

— Рене, ну о чем ты? — недоуменно ответила девушка, — о каком кольце может идти речь? Да и зачем мне теперь оно? Передать-то все равно больше некому, ушло бы каким-нибудь дальним родственникам, седьмой воде на киселе.

— Зато теперь ты можешь потребовать, чтобы брат на тебе женился, вот и пусть дарит новое кольцо! — то ли в шутку, то ли всерьез заметила одна из вайтрановых сестер.

— Мари, уймись! — одернула ее мать, — разве ты не видишь, что Григория из благородных?

— Ну и что? — искренне удивилась девчонка. — Я, зато, вижу, как они друг на друга смотрят!

— Не придумывай! — вмешался теперь уже сам Рене, — и не ставь, пожалуйста, Григорию в неловкое положение. Она столько сделала для всех нас, что мы должны испытывать к ней благодарность.

Мари что-то буркнула в ответ, а Григория постаралась придать себе беспечный вид. Понятно, что других чувств, кроме благодарности, Вайтран к ней не питает. Впрочем, то, что она прониклась к нему симпатией, еще совсем ничего не значит. А жаль. Можно ли

полюбить человека за день? Возможно ли им спастись?

— Госпожа Вайтран! Господин Рене! — запыхавшийся паренек лет двенадцати, бедно и неопрятно одетый, выскочил, будто из-под земли, — там Майка повязали! Он сейчас в участке, говорят, судить будут!

— О, Боги! Мой мальчик! Что же делать? — женщина в таком отчаянии смотрела на старшего сына, что Григория невольно подумала, как они вообще без него обходились все годы его учебы?

Сам же Рене только недовольно выдохнул и взглянул на Гри.

— Ну что, — девушка понимала, что улыбка будет неуместна, но сдержаться не смогла, — теперь в участок?

— Я не уверен, что это подходящее для тебя место, — ее энтузиазма Вайтран явно не разделял.

— Так мы же как посетители, а не как обвиняемые, — отмахнулась Гри. — И вообще, в жизни ведь надо успеть увидеть как можно больше, не так ли?

— Пошли, — не стал больше спорить Рене. Видимо, побоялся, что семья что-то поймет, ибо вид у него был ну очень недовольный.

Четырнадцать часов после ритуала

Григория больше часа сидела в приемной участка и терпеливо ждала, пока Вайтран договорится об освобождении младшего брата. То, что она, будучи дочерью графа, весьма уважаемого на территории Союза Западных Королевств человека, да и за его пределами тоже известного, смогла бы ускорить решение дела в положительную сторону, не подлежало сомнению. Но упертости Рене хватило бы на стадо баранов, и никакие доводы не смогли изменить его решение. А самое гадкое, что его причины были просто до смешного дурацкие. Во-первых, он считал, что она и так сделала слишком много для его семьи, поэтому права принимать ее помощь снова, у него уже нет. А во-вторых, и это точно было дурацким предложением, сказал, что разговор со стражами не для нежных девичьих ушей. Да у них на практических занятиях магией такое можно было услышать! А уж на боевых спаррингах или отработках групповых боев то и дело проскальзывали выражения от проигрывающей стороны, что даже грузчики в порту бы восхитились. Так что уши Григории были более чем подготовлены, только все равно приходилось сидеть и ждать. А время шло. Гри взглянула на наручные часы, до полуночи осталось меньше часа. Это значит, меньше часа до дня, который станет для нее последним.

Но шанс есть, твердила себе девушка. Выхода не может ни быть. Но сначала нужно все сделать для родных Рене. Или это теперь уже и ее родные? Григория не знала, как правильно, усталость накатывала, вместе с ней начинало клонить в сон, мысли путались. Если они завтра умрут, то должны успеть максимально много до этого момента. Девушка встала и начала расхаживать взад-вперед, чтобы немного сбросить сонливость, но в небольшом душном холле десять шагов в длину и три в ширину, это было непросто.

И тут дверь отворилась! А из нее вышел Вайтран, держа за шкуру, как нашкодившего котенка, мальчишку, и безо всяких церемоний рывком направил его к ближайшему стулу.

— Сиди и жди здесь, — рыкнул старший брат. — И чтобы без глупостей! — и снова скрылся в кабинете.

Гри рассматривала мальчишку, грязного, оборванного, побитого: губа разбита, на щеке кровоподтек, а покрасневший нос и общий вид говорил, что совсем недавно он плакал или пытался подавить в себе ненужные слезы, от чего покраснелся еще сильнее.

Не проникнуться к ребенку жалостью, даже зная, что он пытался преступить закон, было невозможно. Но по тому, как мальчик держался, становилось понятно — жалость не примет. Весь в брата!

— Меня Григория зовут, а ты ведь Майк? — решила начать разговор девушка, — я приехала с твоим братом.

— Угу. Он сказал, что ты спасла Лили, — шмыгнул носом мальчишка.

— Спасли Лили целители, я всего лишь смогла оплатить лечение.

— Всего лишь? — неожиданно вскинулся Майк, — да это целое состояние! А для тебя, значит, всего лишь?

— Нет, Майк, я имею в виду, что у меня была возможность помочь, и я ею воспользовалась, — ответила девушка, садясь на стул напротив. — Я знаю, что ваша семья долго боролась за ее жизнь, и эти усилия не должны были пропасть даром.

— Делать-то делали, а так ничего и не сделали, — буркнул паренек и снова ушел в себя, разглядывая сбитые костяшки на руках. Да уж, без боя эта семья никогда не сдастся.

— Ты ведь из-за нее пошел на преступление, так? — Гри всматривалась в мальчика, пытаясь поймать его взгляд. Но он упорно не желал поднимать на нее глаза. И отвечать, видимо, тоже не хотел.

— Майк, знаешь, Рене тебя, конечно, отругает и будет по-своему прав. А я считаю, что ты молодец! — и вот, наконец, заплаканные глаза, в которых и сейчас стояли слезы, усталились на Григорию с искренним непониманием.

— Ты шутишь, да? — немного севшим от эмоций голосом спросил Майк.

— Нет, я не шучу. Я не говорю, что ты выбрал правильный путь, но я догадываюсь, что решение это далось тебе нелегко и только потому, что случай был крайний. Сейчас, а потом будет поздно.

Мальчишка с каким-то неверием смотрел на девушку, но в тоже время, в его взгляде промелькнула надежда.

— Да только Рене так не думает, — Майк снова опустил взгляд. — Небось, считает меня позором семьи.

— Твой брат, безусловно, не самый простой человек, но, поверь, он любит тебя и очень за тебя переживает. Более того, винит себя в том, что не мог уделять тебе достаточно внимания, — попыталась ободрить его Гри.

— А тебе-то почему знать, как он ко мне относится? Ты ведь не его невеста, значит любовница, да? — и мальчишка, наконец, проявил к собеседнице интерес, потерявшей дар речи от подобной наглости, и начал ее чересчур откровенно разглядывать. Впрочем, делал он это недолго.

— Я же просил без глупостей! — Вайтран-старший напоминал сейчас разъяренного медведя, ревел, во всяком случае, очень похоже.

— Да я просто спросил! — испугался брата Майк. Григория бы тоже испугалась, обратись он к ней подобным образом.

— Между прочим, Григория спасла Лили, расплатившись за ее лечение не безделушкой, а фамильным перстнем, принадлежавшим ее покойной матери! И была с нашей семьей в трудную минуту, хочу заметить! Поддерживала всех, пока ты тут отсиживался!

Видимо, разговор со следователем вышел очень непростым, раз Рене настолько зол. Обычно он более сдержан. Хотя, что Гри на самом деле о нем знала? Судя по всему, ничего.

— Правда? — теперь Майк по-другому смотрел на девушку. — Ты действительно сделала это для Лили? Отдала фамильную драгоценность?

— Ну а для кого же еще? — выдавила улыбку Гри.

— Прости, значит, я был неправ. Извини, ладно?

— Извиняю, — сжалилась над раскаявшимся мальчиком Григория.

— Просто мы столько раз обращались к разным аристократам за помощью, — продолжил Майк, — но никто нам помогать не стал! Вот я и думал, что все благородные — чванливые ублюдки, кичащиеся своим происхождением.

— Прости его язык Гри, — вздохнул Рене, параллельно отвечивая брату подзатыльник, — он рос на улице, вот и вырос, как вырос. Именно поэтому ты решил ограбить среди бела дня барона Шаная?

— Этот ходячий бочонок вина назвал нас с Жанет побирешками, когда мы приходили искать у него помощи! Да еще велел гнать со двора с собаками! Так что жалею только, что стражники все-таки догнали...

— Майк, — вмешалась девушка, опережая злого, как стая голодных волков, Вайтрана,

— то, что он поступил плохо, не значит, что ты должен опускаться до его уровня, даже еще ниже. Разбойники с большой дороги романтичны только в книгах. В жизни те, кто не гнушаются ничем, сами не стоят и ломаного медяка.

— Да что тут говорить! — не сумел сдержаться Рене, — все без толку! Уже столько раз пытался, а только хуже становится! Сейчас я тебя из тюрьмы забираю. А в следующий раз откуда? Бездыханное тело с эшафота? Пойдем домой, мать вся извелась, наверное! Ей и так сегодня досталось, и ты еще!

При упоминании дома мальчишка совсем сник. Видимо, предстать перед родными после такого было непросто. А значит, для него не все потеряно, решила Гри.

Пятнадцать часов после ритуала

Майка они отконвоировали домой, именно такое сравнение показалось Григории наиболее уместным. Шли молча и быстро, извозчиков в столь позднее время уже не найти, это в столице можно было нанять транспорт хоть посреди ночи, а здесь после десяти вечера — только по предварительной договоренности.

Хорошо город небольшой и очень компактный, идти пришлось не так долго, потому что усталость так накатывала на Гри, что под конец ноги начали заплетаться и цепляться за плохо подогнанную брусчатку. Когда они дошли до дома, девушка готова была спать хоть на лавке, хоть на полу. Каково же было ее удивление, когда, после схлынувших по поводу Майка эмоций, ей сообщили, что уже выделили и освободили комнату девочек, которые поспят на полу в столовой. Майк делил комнату с Рене во время его приездов, и Рене никто выселять не собирался, его авторитет в семье был непоколебим. Только заставлять девчонок, и так намучившихся за день не меньше нее, спать на полу, да еще в столовой, которая у Вайтранов, несмотря на гордое название, была два на три метра, впритирку между столом и стульями Григория совсем не могла.

— Простите меня, мадам Вайтран, не думайте, что я пренебрегаю Вашим гостеприимством, просто я не хочу так стеснять вашу семью и заставлять девушек спать на полу, — как можно более тактично ответила на любезность Гри. — Поэтому или постелите мне где-нибудь на полу, я не сочту это оскорблением, поверьте. Или, возможно, Рене проводит меня до ближайшего постоялого двора?

— Мама, ночевать мы не останемся, — пресек гвалт возражений и уверений, что Григория никого не стеснит, и девочкам совсем не сложно. — Принеси, пожалуйста, мои пузырьки с тонизирующим отваром.

И опять никто перечить ему не стал, а только повздыхали и выполнили просьбу. Тонизирующие отвары всегда отличаются мерзким вкусом, этот же пробрал Гри до выступивших слез, зато сон как рукой сняло. Возражать Рене она тоже не стала, было ужасно интересно, что он задумал, не просто же так тратит достаточно дорогое зелье?

Попрощавшись с семьей, парень взял Гри за руку и повел куда-то дальше к окраинам. Как бы любопытство не снедало девушку, спрашивать она ничего не стала. Во-первых, знала, что Рене не ответит, а во-вторых, не хотела быть предсказуемой. Она мучается оттого, что не знает, куда идут, а он пусть думает, почему же она не спрашивает? Во всяком случае, Гри надеялась, что это так.

— А почему ты не спрашиваешь, куда мы направляемся? — оправдал ее надежды Вайтран.

— А ты скажешь? — вопросом на вопрос ответила девушка.

— А почему нет? — удивился Рене, — а то, похоже, что я сейчас заведу тебя в лес и брошу на съедение волкам.

— Знаешь, за сегодняшний день я стала доверять тебе в достаточной степени, чтобы не фантазировать такие ужасы, — улыбнулась девушка. — И вообще, я, может, рассчитываю на приятный сюрприз.

— Любишь сюрпризы?

— Только приятные, учти это! — шутливо пригрозила ему Гри.

— Надеюсь, я смогу тебе угодить, — улыбнулся парень.

Где-то через полчаса ходьбы, оставив городок позади, Они вышли к заброшенному храму Богини Лады. И находился он в том промежуточном состоянии, когда это еще не живописные руины, а уже обветшалое, но не потерявшее величия здание.

— Пойдем внутрь, — предложил Рене, — там наложен стазис, так что ничего не рухнет и не сыплется. Просто жителям стало неудобно ходить в храм на окраине, и построили новый ближе к центру. А в этот мы бегали еще мальчишками, там очень красиво, да и в саду есть на что посмотреть.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Храм был очень старым, в нем явно проглядывала архитектура и манера постройки даже не прошлого, а позапрошлого столетия. Краска на стенах выцвела, потускнела мозаика, но это придавало храму особенный шарм. От каждого камня веяло стариной и силой, толстая кладка не пропускала звуков ночи, зато шаги отражались от стен и были пугающе громкими. Стараясь идти легонько на цыпочках, Григория аккуратно разглядывала огромное пространство главной залы, из которой шло несколько арочных проходов. Рене, так и не отпустивший ее руку от самого дома, затянул ее в тот, что вел к противоположной от входа двери наружу. А за дверью была настоящая сказка.

Дикий, заросший луговой травой небольшой склон вел к озеру, окруженному плакучими ивами, тянущимися своими серебристыми в ночи листьями прямо к воде. Само озеро, будто наполненное лунным светом, казалось светящимся в темноте. От красоты открывшейся картины у девушки захватило дух. Настоящее чудо природы, облагороженное человеком!

— Нравится? — тихо спросил Рене.

— Очень, — также шепотом ответила Гри. — Сюрприз удался.

— Мне хотелось показать тебе это место. Волшебство без магии.

— Спасибо, — Григория посмотрела на своего спутника.

В свете Луны он был совсем не похож на себя обычного. Его волосы, непривычно растрепавшиеся за день, не скрывали высокий лоб. Глаза казались сейчас черными. Носе небольшой горбинкой, губы...

Гри невольно потянулась к нему, поднимая лицо и опуская веки, он же медленно наклонился к ней, и когда уже казалось, что их губы вот-вот соприкоснутся, Рене резко отпрянул назад.

— Прости, — сказал он, отворачиваясь от девушки, — я не должен был. Просто такой момент и такое удивительное место. Не знаю, что на меня нашло.

Григория смотрела в спину удаляющемуся парню и четко понимала: у нее осталось несколько часов жизни.

Растопить лед в сердце Вайтрана не смог бы даже божественный огонь, а уж она, простая смертная, здесь совершенно бессильна. На глаза навернулись слезы, которые девушка с огромным усилием загнала обратно. Мир рушился, как песчаный замок, вместе со всеми иллюзиями. Она хотела провести с ним этот день в надежде, что они станут ближе, начнут понимать друг друга, и, казалось, им это почти удалось. Видимо, только казалось.

Это был порыв, малодушный, трусливый и просто глупый поступок отчаявшейся девушки, которой только что вынесли смертный приговор без права на помилование. Но у Григории не осталось сил, сколько можно оттягивать неизбежное? Еще не известно, какая смерть ее ждет, может долгая и мучительная. Зачем усложнять и ждать чего-то?

Гри перестала замечать все вокруг, сосредоточившись только на одной цели — озере, которое будто манило и звало. Платье быстро пропиталось росой от вечерней травы и

облепило ноги холодной мокрой тряпкой, идти стало труднее, но девушка даже не замедлила шаг. Подойдя ближе, под сенью плакучих ив она заметила достаточно длинный мосток и свернула к нему. Здесь заклинание стазиса уже не действовало, и прогнившие доски жалобно заскрипели под ногами. Идти по скользкой, прогибающейся даже под ее небольшим весом древесине оказалось неудобно, и это немного отрезвило Григорию. Всего-то десять шагов, но подойдя к краю, девушке стало не просто страшно — жутко! Она вздрогнула и обхватила себя за плечи, по телу пробежались мурашки. Что она творит? Зачем? Что на нее нашло? Темная гладь в момент потеряла всю притягательность и очарование, место, недавно казавшееся прекрасным, резко утратило свою красоту. Все-таки не зря маги и жрецы постоянно враждуют. Уж слишком разнятся их силы, то, что делает жрец, не всегда идет на пользу магу, и наоборот. Вот и сейчас Гри чувствовала не желание — потребность покинуть территорию храма, где в голову ей лезут такие страшные мысли.

Гри начала медленно разворачиваться на склизких досках, десять шагов отделяли ее от земли. Всего десять или целых десять? Первый шаг, нужно сделать первый шаг...

Доска под ногами хрустнула, и Григория даже крикнуть не успела, как оказалась с головой в холодной воде. Длинная юбка и куртка мешали движениям, ботинки, набравшие воды, стали похожи на привязанные к ногам камни и тянули ко дну, которое никак не оказывалось под ногами. Она ведь рядом с берегом, совсем близко! В проклятых десяти шагах! Девушка пыталась выплыть, но только барахталась в толще воды, будто муха в киселе. Легкие начинало жечь от нехватки воздуха, чем активнее она пыталась всплыть, тем быстрее сжигался кислород. В висках застучало, паника захлестывала, не позволяя сосредоточиться и вызвать магию. Еще секунда, две, три, и сил сдерживать вдох не осталось.

Казалось, грудь разорвало, а горло сдавило, вызывая спазмы. Девушка закашлялась, заглатывая все больше воды. А потом темнота сомкнулась над ней, будто разгладившиеся круги на воде.

Семнадцать часов после ритуала

— Ну, давай же, пожалуйста, дыши! — сквозь толщу сознания проникали взволнованные слова. А дальше пришел кашель. Ловкие руки быстро перевернули ее на живот и поддерживали, пока Григория не выкашляла всю воду из легких.

— Сумасшедшая, что же ты творишь? — Вайтран с такой силой прижал девушку к себе, что дышать снова стало тяжело.

— Рене, — прошептала Гри, — пожалуйста, отпусти!

— Прости! — и снова это прости! И снова он отсаживается от нее на два шага и сцепляет пальцы в замок, будто боится случайно дотронуться.

Отдышавшись, Григория огляделась. Они сидели на берегу, рядом с тем злополучным мостиком, одежда и волосы были сухие, значит, Рене воспользовался магией.

— Спасибо, что спас меня, — не глядя на Вайтрана сказала Гри. — Не знаю, что на меня нашло.

— Ты сначала как зачарованная шла к воде, я подумал, что-то увидела, и двинулся следом. Зачем ты вообще пошла на мосток? Даже странно, что дошла до конца, не провалившись раньше.

Девушка неопределенно пожала плечами. Не говорить же, что хотела утопиться, но передумала в последний момент.

— Гри, зачем ты туда пошла? — напрягся Рене.

— Какая тебе разница? Утром мы все равно умрем, так есть ли смысл ждать? — с деланным безразличием спросила Григория и с вызовом взглянула на собеседника.

— Ты это серьезно? Решила не дожидаться, подействует ли ритуал? — Вайтран вглядывался в нее, видимо, не веря услышанному.

— А почему он не должен подействовать? Нам все объяснили преподаватели, жрец подтвердил факт брака, какие у нас есть варианты? Ты даже поцеловать меня не смог, не говоря уж о каких-то вспыхнувших чувствах! — Григория сорвалась на крик, не в силах больше сдерживаться. Целый день держалась, и к чему это привело?

— Наличие чувств должно быть обоюдным, если ты забыла, — решил напомнить парень.

— А почему ты так уверен, что у меня не могло возникнуть симпатии к тебе за этот день, когда я увидела тебя не как бесчувственного отличника-истукана, а как заботливого брата и сына? — не успокаивалась Гри.

— Ия тебе так сильно понравился? — с недоверием спросил Рене. Издевается что ли?

— Хватит! — девушка вскочила, не собираясь отвечать на столь провокационный вопрос. — Я помню обратную дорогу, дойду до телепорта и вернусь к отцу, он, наверное, с ума сходит, а я тут, с тобой, зачем-то...

Григория подобрала подол юбки, не думая о своем внешнем виде, стремительно направилась обратно в храм, обходить его по саду не было ни сил, ни желания. Она влетела в здание и прикрыла дверь. Запал иссяк, а вместе с ним и вся ее решимость. Отчаяние, спрятанное за бравадой, прорвалось наружу, девушка села на пол, закрыла лицо руками и разрыдалась. Может жаль, что она не утонула? Отмучилась бы уже. А теперь снова это выматывающее ожидание смерти.

— Гри, прости меня, — тихий шепот и осторожные объятия были столь неожиданными,

что девушка замерла, как пойманная птица, а потом столь же отчаянно забила. Пришел тут со своими утешениями!

— Прости, — повторил Рене, — я дурак, признаю.

— Очень рада за тебя. Осознание — первый шаг к изменению! — Гри не прекращала вырываться.

Хватит с нее, она только и делала, что шла ему навстречу, а до этого терпела его хамское поведение. И как ей в голову взбрело, что у них может что-то получиться?

— Отпусти меня!

— Нет.

Короткий решительный ответ, а потом...

Потом он просто обхватил ее лицо ладонями и поцеловал, не жестко, не требовательно, а так мягко и нежно, что отстраниться не было ни сил, ни желания. Он покрывал поцелуями еще не высохшие от слез щеки, подбородок и снова ловил губы. Его пальцы следовали за губами, зарывались в волосы, пропуская пряди, медленно спускаясь на шею, линию ключиц, погладили спину. Григория сама не заметила, когда успела обнять и прижаться к Рене. Осознала она это, только когда он остановился сам, уткнувшись в ее шею губами. Он шумно дышал и продолжал держать ее в объятьях. Гри не удержала и провела рукой по его волосам, всегда хотела узнать, какие они на ощупь? Мягкие и шелковистые пряди рассыпались между пальцами, многие девушки позавидовали бы. От такого незамысловатого прикосновения Рене ощутимо вздрогнул, и Гри убрала руку.

— Снова будешь извиняться? — тихо спросила она.

— За то, что сделал — не буду.

Его шепот щекотал шею, а потом он так неожиданно легонько прикусил ее за мочку уха, что вздрогнула теперь девушка, но совсем не от боли.

— А за то, что хотел бы сделать тебя своей настоящей женой прямо здесь и сейчас, наверное, нужно.

— А почему остановился? — перебарывая смущение, спросила Григория.

— Это было бы нечестно по отношению к тебе, так воспользоваться ситуацией.

Григория чувствовала, как тает в его объятьях, а его тихий завораживающий голос проникает в самые глубины сознания. Она потихоньку отстранилась, не встретив препятствия, и взглянула в его лицо, едва освещенное пробивающимся сквозь высокие окна голубоватым ночным светом звезд и Луны.

— Ты привык все решать за других, я понимаю. Но почему бы сейчас не изменить правила? Почему не спросить моего мнения?

— Гри, ты ведь понимаешь, что тогда наш брак станет настоящим? — серьезно спросил Рене.

— Понимаю и не имею ничего против. Или ты считаешь, что я так тебя ненавижу, что предпочту замужеству смерть? — удивилась девушка.

— Вот видишь, если бы не этот ритуал, ты бы никогда даже не подумала о таком, — печально констатировал парень.

Григория вглядывалась в него. Он только что так страстно и нежно целовал ее, а теперь снова выстраивает какую-то надуманную стену.

— Но ритуал был, и теперь мы здесь? К чему эти моральные терзания, Рене? — девушка аккуратно дотронулась до его щеки, и он неожиданно прислонился и слегка потерся о ее ладонь, как ищущий ласки кот. Какие еще нужны слова?

Теперь она сама потянулась к парню и дотронулась до его губ. И будь, что будет, но здесь и сейчас они станут мужем и женой. Пусть Богиня Лада, в чьем храме они находятся, не сочтет это святотатством, ведь именно в ее честь всегда проводился ритуал барака истинной любви и с ее благословения, которое, как надеялась Григория, их не покинет.

Они больше не разговаривали. Речь была не нужна, слова стали лишними, но храм не погрузился в тишину. Шелест одежды, глубокое дыхание со вздохами и тихими стонами. Его куртка, сверху ее платье — вот и все, что было для них кроватью в первую ночь, а большего и не требовалось. Прохлада ночи уступила пожару чувств, и Григория горела этом огне. От рук Рене разбегались крохотные разряды, он, как слепой, изучал ее тело прикосновениями, а вслед за руками следовали губы. Шея, грудь, живот, ниже...

Гри часто слышала рассказы подруг, у кого уже был опыт очень близких отношений. Но все, что они говорили, казалось ей пошло и совсем не притягательно. То, что происходило с ней сейчас, было удивительно, чувственно. А еще так естественно, будто завершение чего-то грандиозного: как после утренней зари появляется солнце, как зажигаются звезды после его захода. Именно так, как должно быть, и будет всегда, пока существует мир. С осознанием правильности и даже необходимости происходящего, она сбросила с себя все оковы воспитания, устои общества и включилась в эту волшебную игру. Теперь и ее руки исследовали мужское тело, еще не утратившее присущую юности поджарость, но уже мускулистое и сильное. Напряженная шея, широкие твердые плечи, порывисто вздымающаяся грудь, рельефный живот с узкой дорожкой коротких жестких волос, уходящих вниз. Только Рене был не из тех, кто передает инициативу. Он перехватил руки Гри и завел их над головой, а потом поцеловал. И это был не нежный ласковый поцелуй, а страстный, требовательный, отвечая на который девушка даже не заметила, как они подошли к самому главному. Боль вырвала ее из состояния эйфории и полета, заставив вскрикнуть и вцепиться в плечи мужа. Но поняв, что так только расцарапает Рене, быстро разжала пальцы и начала комкать лежащее на полу платье.

Ее муж, а теперь уже точно муж, замер и не шевелился, перенеся вес на согнутые в локтях руки.

— Я думаю, мы на этом остановимся, — Рене легонько поцеловал ее в висок и начал медленно двигаться назад.

— Нет! — Григория, сама не полностью осознавая свои действия, обхватила его ногами и притянула руками к себе, так, что уже почти полностью ощущала вес мужчины.

— Я не могу делать тебе больно, — дыхание Рене еще было прерывистым, но он явно пытался восстановить утраченный контроль над собой. Опять этот вечный контроль!

— Я хочу, чтобы это была полноценная ночь, чтобы ты дошел до конца. Я хочу все видеть, чувствовать, слышать, — девушка судорожно цеплялась за мужа, не желая терять это ощущение единства и цельности.

И он послушался! И движение началось, сначала медленное, потом все быстрее, а следом за ним менялся и ритм дыхания, становясь все более частым и рваным.

Григория гладила его плечи, зарывалась в волосы, обводила контуры лица, а Рене ловил ее пальцы, легонько целовал и посасывал их. И пусть боль все-таки перекрывала другие ощущения, но само действие было настолько незабываемым, парящим, что когда Рене протяжно застонал и уткнулся лицом ей в макушку, тяжело и шумно дыша, появилось легкое чувство сожаления и утраты чего-то незабываемого.

Они еще долго лежали в обнимку, не разговаривая, а просто наслаждаясь близостью и

друг другом. А утром, когда уже совсем расцвело, Рене аккуратно разбудил Григорию поцелуем. Видимо, чудеса существуют, раз они пережили эту ночь, и наступило их первое общее утро. Пора возвращаться.

Сутки после ритуала

Идя за руки по городу, преодолев многолетнюю неприязнь, враждебность, победив саму смерть, в конце концов, казалось, что нет ничего невозможного. Григория буквально парила, ощущая те самые крылья за спиной. Все было здорово, чудесно, невероятно, ровно до входа на территорию Академии, где привратник, окинув их каким-то странным взглядом, бросил:

— Вас обоих уже обыскали! Срочно идите в свой деканат!

Гри сильнее сжала руку мужа, а тот ободряюще погладил ее ладонь большим пальцем, но девушка сразу заметила в нем перемены: он посерьезнел и подобрался. А в деканате началось то, чего она ну никак не могла ожидать.

— Отпусти немедленно мою дочь! — отец вихрем накинулся на Рене, буквально вырывая у него руку Григории. Тот вынужден был отпустить, не устраивать же перетягивание девушки на глазах у всех. — Я сразу говорил, что все тут проходимцы! — продолжал тираду отец, — и Ваш декан самый главный из них! А еще магистр!

Григория честно пыталась, по возможности не привлекая внимания и новых вспышек гнева, отцепить от себя родительскую конечность, но отец вцепился в нее драконьей хваткой.

— Может, достопочтенный граф, Вы соизволите объяснить, чем сейчас вызваны ваши обвинения и чем, собственно, Вы недовольны? Тем, что Григория осталась жива? — не сдержался Рене.

— А ты, видимо, очень рассчитывал, что она умрет! — в конец вспылал отец. — Я уверен, тут один сплошной сговор! Да я даже не удивлюсь, если вы все, — тут он красноречиво обвел взглядом собравшихся, которых теперь рассмотрела и девушка. Декан Актовиян, профессор Гельерме, следователь Маризо и уже знакомый жрец богини Лады, выбивающийся из группы магов, — действительно собирались убить Григорию и прибрать к рукам ее денежки, а потом просто испугались и пошли на попятную!

— Вы бы, граф, не разбрасывались такими заявлениями, — выразительно подняв брови, вступился за всех сразу декан. — Мы ведь, знаете ли, тоже не последние люди в Союзе.

— О! Не сомневайтесь, я исправлю эту ситуацию! Я подам прошение самому Императору, чтобы провели тщательнейшее расследование произошедшего инцидента! — не стусевался отец. — Да я даже до главы Ковена дойду, если потребуется!

— Папа, — Григория была просто обескуражена такими резкими словами. Отец, конечно, никогда не отличался сдержанностью, но чтобы так? — Что происходит? Мы ведь и правда, живы, почему ты так... нервничаешь? Что вообще произошло за наше отсутствие?

— Произошел полный беспредел, вопиющая халатность и безответственность! — эмоционально начал объяснять отец, — А все по вине кого? Вашего кретина-преподавателя! — на этих словах профессор Гельерме, и так стоявший как в воду опущенный, совсем побледнел и сник. — Представляешь, его соблазнила одна из студенток, которая до этого получила отказ от этого альфонса, — граф кивнул в сторону Рене, — видимо, приданое у нее небольшое! И девка, не придумав ничего лучшего, решила проучить парня! Ночью, когда ваш замечательный профессор заснул после бурной страсти, выкрала ключ-артефакт для прохода в тренировочный зал со схемой, и переделала ее на смертельный ритуал! Надеюсь, ее казнят! И этого горе-любовника тоже! — на профессора было откровенно жалко смотреть, Григории даже показались, что мужчина сейчас расплачется.

— Я уверена, профессор Гельерме не при чем! — хотела защитить она преподавателя, — просто так сложились обстоятельства...

— Обстоятельства? — вскрикнул отец, — да эти мошенники сговорились и просто пытались нас облапошить!

— Пытались облапошить? — Григория поочередно смотрела то на мужа, в поисках поддержки, то на декана, в поисках разъяснений. Но Рене, будто что-то почувствовавший, или просто видя бесполезность спора, молча стоял, сложив руки на груди. Магистр Актовиян явно наслаждался представлением и со свойственной ему театральностью выжидал наиболее подходящий момент для открытия истины.

— Дорогая, не беспокойся, твой папа уже решил все недоразумения! — отец был в своем репертуаре. И чувствовала Григория, что главным недоразумением, по его мнению, был ее муж. — Твой брак не был смертельным изначально, представляешь? Нам только мозги пытались запудрить! Чтобы провести ритуал брака истинной любви, необходимо обратиться к жрецам, а те, в свою очередь, кроме писуллек на полу, должны совершить еще множество побочных действий, дабы Богиня приняла такой брак и сделала его истинным! А то, что было в зале — просто фикция!

— Как фикция? — Григория ошарашенно посмотрела на жреца, — но Вы же сами сказали, что видите отметку брака на ауре!

— Да, отметка есть, но это отметка о расторгимом браке. Поскольку ритуал брака истиной любви был проведен без соблюдения всех необходимых составляющих, то он закрепился в виде самого обычного брака, которым могут скреплять узы все желающие, независимо от наличия магического дара, — пояснил жрец.

— Так что не переживай, дочка, — отец поудобнее перехватил ее за руку, — сейчас мы идем в ближайший храм и отметку стирают с твоей ауры!

— Не спешите, граф Давьенг, — наконец включился в беседу декан, — Вы же прекрасно знаете, что расторгнуть брак так просто можно, только если он не консумирован, — и хоть лицо его по-прежнему было серьезным и даже суровым, Григория по взгляду поняла, что магистр откровенно развлекается за их счет. А ведь было совсем не смешно!

— О чем Вы говорите! — возмутился отец. — Какая консумация? Григория, скажи, этот оборванец не посмел до тебя дотронуться?

Гри смотрела на Рене и с ужасом понимала, что он не просто не собирается вмешаться, его взгляд, совсем недавно такой теплый и ласковый, сейчас был тяжелым и даже жестким. Демоны! Неужели он так и будет отмалчиваться и не попробует ей помочь? И объяснять такое девушке, пусть она и стала женщиной, совсем не пристало! Муж он ей, или? Или не муж...

— Отец, — подбирая слова начала Григория, — мы ведь думали, что от этого зависят наши жизни, что у нас нет иного выбора, понимаешь? Мы не знали... — она умолкла наткнувшись на еще более злой взгляд Рене. Да, если бы он знал, что они не умрут, наверное, никогда не прикоснулся к ней!

— Ты хочешь сказать, — не веря начал отец, но тут, покачнувшись, схватился за сердце, — что позволила этому охотнику за приданым, этому мерзавцу...

— Довольно, граф, — в голосе Рене было столько холода, что, кажется, даже стены покрылись коркой льда, или это заледенело сердце Григории? — Вы достаточно меня оскорбляли, но, поверьте, я сам не стремлюсь становиться частью вашей уважаемой семьи,

так что мы просто разведемся через год. Насколько мне известно, при отсутствии детей и согласии обеих сторон, это должны сделать без вопросов, — он пошел к выходу и, уже открыв дверь, бросил через плечо, — я верну ваш перстень, графиня, не беспокойтесь, — и вышел.

— Перстень? — встрепенулся отец, и, быстро оглядев дочь, сразу понял, о каком украшении идет речь, — он был женат на тебе чуть больше суток и уже обманом выманил фамильный перстень твоей матери? Мы немедленно подадим в суд на это жулика! — и тоже двинулся к двери, таща за собой дочь, как на привязи.

— Отец! — Григория, устав церемониться, резко выдернула у него руку, — что ты такое говоришь? Я сама отдала перстень! И не ему лично, а как плату госпиталю на лечение его младшей сестры.

— Знаем мы эти лечения! — отец попытался снова схватить ее за руку, но девушка уже была готова к этому маневру и ловко увернулась, — ты еще молода и неопытна, поверь папе, я на своем веку и не такое повидал! Целитель наверняка был «в доле»! Да и диагноз могли подделать! И вообще, может это не сестра была, а нанятая актриса! Эти брачные аферисты и не на такое способны!

— Прекрати оскорблять моего мужа! — сил сдерживаться у Григории не осталось, а еще не оставалось времени, чтобы догнать и найти Рене, и нормально объясниться.

— Твоего кого? — взревел родитель. — Да я тебя не для того столько лет воспитывал, чтобы отдать замуж за шарлатана и проходимца!

— Да уж, ты готовил меня для куда более выгодной партии! — девушка начала обходить отца, чтобы прорваться к вожделенной двери. — Точнее нанятые учителя и гувернантки!

— Какая вопиющая неблагодарность! Да я все делал, чтобы у тебя было только лучшее! Приумножал наше состояние! — негодовал отец. — И вообще, я всегда о тебе заботился! Ты моя плоть и кровь!

— Твоя плоть и кровь выросла и сама может принимать решения, и делать выбор! И сейчас он не в твою пользу! — огрызнулась от двери девушка.

— Вернись! Одумайся, Григория! — отец выбежал за ней в коридор, но дальше не двинулся, не надеясь догнать, но пытаясь образумить. — Ты еще пожалеешь! Я тебя наследства лишу! На коленях сама ко мне приползешь!

— Не приползу! — только и крикнула на прощание Григория. — И наследство это мне вообще не сдалось!

Дальше она просто неслась к выходу, надеясь все-таки догнать мужа. Не мог же он далеко уйти!

На ее счастье, он как раз подходил к воротам.

— Рене, стой! — через весь двор крикнула Гри, — подожди минутку.

Но парень даже не остановился, он упрямо шел дальше, но бегом девушка нагнала его быстро.

— Подожди, — она схватила его руку, пытаясь отдышаться. — Я не хотела, чтобы так получилось. Отец, он такой всегда, не обращай на него внимание.

— А ты? — неожиданно спросил Рене. — Какая ты? Графиня благородных кровей или оборванка, проходимка и как там еще называл меня твой отец. Кем ты станешь, если останешься со мной?

— Рене! — воскликнула девушка, — разве это главное? Разве это имеет значение?

— А разве нет? — невесело улыбнулся парень. — Наше приключение, рассчитанное на

сутки, несколько затянулось, не находишь? Это не игры, это жизнь, и я не смогу жить, зная... — тут он не выдержал и отвернулся, не закончив фразу.

А Григория, все это время державшая его руку, отпустила и отступила на шаг. Между ними снова стена, будто и не было этих суток, за которые они так сблизились. Снова эта холодность и отчужденность. Гри, искренне верившая в их чувства утром, сейчас поняла, как чудовищно она ошиблась. Видимо, ту симпатию, зародившуюся в их душах, смыло волной действительности, классовым неравенством и банальным безразличием Рене Вайтрана. Ведь насильно мил не будешь...

— Тогда, — собирая остатки гордости, произнесла девушка, уже устыдившись своего порыва, как бежала за ним через всю Академию, — встретимся через год. Я свое согласие дам, не сомневайся.

И, круто развернувшись, не глядя, пошла в противоположную сторону, абсолютно бесцельно. Цели у нее теперь толком и не было. Какая ирония: вчера она считала, что ее жизнь разбита и кончена, а, оказывается, она разбилась и закончилась сегодня. Надо же так ошибиться! И надо же было так влюбиться...

А теперь ей предстоит построить новую жизнь на осколках старой. Уже не графиня, еще не магесса, еще жена, но уже одинокая. И даже отца, который, чтобы она про гувернанток не говорила, всегда был рядом в трудную минуту, больше не будет. Сейчас она попробует все сделать сама, проверит, на что годится и чего действительно стоит. Ни люди, ни обстоятельства больше на нее не повлияют.

Григория наспех умывалась, время она начала ценить, как никогда раньше, и в данный момент ей этого времени совсем не хватало. И всего-то решила чуть-чуть подольше поспать, благо ей сегодня это удалось. А сейчас бегом завтракать! У нее срочный заказ, за которым придут в обед!

Расчесывая на ходу волосы, она в три шага добралась от ванной до кухни. Был огромный плюс у ее маленькой съемной квартирki — все компактно и под рукой!

Еду она быстро жевала, да и не та это еда, чтобы наслаждаться вкусом. В готовке ей еще расти и расти, но и с этим девушка собиралась справиться. Вскипел чайник и в этот момент раздался стук в дверь. Неужели за заказом решили прийти пораньше, ужаснулась Гри.

На пороге стоял Рене Вайтран, почти не изменившейся, разве что еще возмужавший и окрепший, как если бы занимался физическим трудом. Девушка застыла на пороге, совсем не готовая к такому визиту. За всей суетой она совсем забыла про сегодняшнюю дату. Но тут о себе напомнил так и оставшийся на плите чайник.

— Ой, прости, пожалуйста! — отмерла Григория, — проходи, ты как раз к чаю.

— Да я не собирался в гости, — как-то неуверенно зашел внутрь Рене, удивленно разглядывая небогатую обстановку.

— Ерунда, — отмахнулась Гри, стараясь сохранять беспечный вид, хотя внутри все скручивалось узлом. А ведь целый год прошел! — Заходи, не стесняйся! Я тоже не ждала гостей, так что предложить тебе, кроме овсяного печенья, ничего не смогу.

— Где ты был весь год? — разливая чай, спросила девушка, — мне просто интересно, ты не подумай! — зачем-то поспешила добавить она. — Ты так внезапно взял академический и исчез, что слухов поползла масса, вплоть до того, что мой отец, не выдержав такого родства, поспешил сделать дочь вдовой и нанял убийц, — усмехнулась Гри.

— Да, твой отец, наверное, мог бы, — тоже улыбнулся Рене, — его забота о тебе просто поражает, — и при этом снова прошелся взглядом по скромной кухоньке, переходившей в такую же небольшую и скромную гостиную.

— Как видишь, я решила отказаться от его заботы, — пожалала плечами девушка.

— И как, тяжело пришлось?

Гри резко вскинула глаза и всмотрелась в собеседника. Насмехается? Да нет, вроде.

— Нелегко, — уклончиво ответила она, — но справляюсь и не жалею, — в ее словах слышался вызов. — И все-таки, где ты пропадавал? Странствовал?

— Да ну что ты! — рассмеялся Рене. И было все это странно, сидят, пьют чай с печеньем на маленькой кухне, так по-домашнему. — Я вернулся домой. Основную мастерскую мы после несчастного случая продали, но была еще и небольшая домашняя. Конечно, из-за долгого простоя не в лучшем состоянии, пришлось повозиться, прежде чем все запустить и отладить. Но все-таки не зря меня еще дед учил, да и, признаться, отец помочь вызвался, даже смог отойти от беспробудного пьянства. Мне ведь магия от деда досталась. Он был великолепным мастером- артефактором, занимался зачарованием оружия, которое сам и ковал. Отцу магический дар не достался, зато перешли золотые руки, он делал простое, но качественное оружие. Я же попробовал сделать магическое по дедовым чертежам и наработкам. И знаешь, получилось! Даже сам не ожидал! Столько лет смотрел на отца и думал, что никогда молот в руки не возьму и к наковальне не подойду, а тут даже

втянулся и понравилось. Младшего брата привлек к несложным вещам, он, кстати, тоже с даром, не сильным, но кое-что может.

Все это было сказано с такой гордостью и почти мальчишеским восторгом, что Григория не могла удержаться от улыбки. Сейчас это был не тот серьезный, хмурый и угрюмый тип. Перед ней сидел уверенный в себе успешный мужчина, которым трудно было не восхищаться и не любоваться.

— Я рада, что ты нашел свое призвание, да еще и возродил семейное дело, — искренне прокомментировала его рассказ Гри. — Академию будешь заканчивать? Все-таки диплом в наше время много значит.

— Конечно! Я пока тебя искал, успел договориться с деканом, что сдам все экзамены в виде магического проекта, которым будет мое оружие, выкованное и наделенное разными свойствами. Пусть это сузит специальность до артефакторики, но мне пока больше и не надо.

Рене отставил чашку и взгляделся в девушку.

— Ну а теперь ты рассказывай, как докатилась до такой жизни. Это все из-за меня, да? Не стоило тебе ссориться с отцом, ни к чему совсем.

— Рене, поверь, хоть ты и был первопричиной, но я ни о чем не жалею. С отцом мне стоило поссориться еще давно, сколько можно жить под его опекой? Моя теперешняя жизнь меня полностью устраивает.

— Я пришел искать тебя в Академию, а мне сказали, что ты досрочно сдала все экзамены и защитила диплом еще полгода назад, а сейчас никто и не знает, где тебя искать. Я с ног сбился, пока не нашел одну твою подругу, которая знала адрес,

— парень, или скорее уже мужчина, замолчал и вопросительно посмотрел на нее. Видимо, чувствовал себя если не виноватым, то ответственным.

— Поверь, у меня все в порядке, — в который раз уверила его Гри, — ну а подруг, конечно, немного осталось, у графини больше было, — усмехнулась девушка, — зато теперь только настоящие.

Она не стала добавлять, что именно Оливия, единственная, знавшая ее адрес, помогла найти и снять эту квартиру. Самой Григории было тогда совсем не до поиска жилья, хотя задача стояла первостепенная — столько всего навалилось. Сейчас это в прошлом, а жаловаться она не собиралась. Особенно ему.

— Кстати! — Рене жестом фокусника извлек из кармана что-то завернутое в плотную бумагу, развернул и протянул пока еще жене, — как и обещал, возвращаю твой фамильный перстень. Сам до конца не верил, что смогу его выкупить, — он усмехнулся, глядя на обескураженное лицо Гри.

— Вот это да! Я не сомневаюсь, что задача была невероятно сложной и очень тебе благодарна! Ты ведь знаешь, что этот перстень для меня значит! Мамино наследие, которое я теперь смогу передать дальше своей дочери, — девушка, еще не веря своему счастью, примеряла на отвыкшем от колец пальце массивное украшение.

— Не так сложно, как могло бы быть, — улыбнулся Рене, он действительно был рад такой бурной реакции, все-таки и простым это дело тоже не было. — Я сразу, как вернулся домой, съездил в госпиталь и договорился, чтобы кольцо считали залогом. А потом оплатил стоимость лечения.

— Ничего себе, не сложно! Ты молодец, конечно, но, думаю, для начинающего артефактора задача была очень серьезная, все-таки лечение было непростым и

дорогостоящим.

— Зато теперь моя совесть чиста, — подвел итог Рене.

На кухне повисло неловкое молчание. Удивительно, но вот так посидев за разговорами, они забыли о самом главном, зачем сегодня вообще должны были встретиться. И начать разговор почему-то оказалось невероятно сложно. Гри, вспомнив о поведении Рене, когда ей так требовалась поддержка, твердо намеревалась молчать сейчас, не помогая ему искать слова. Пожалуй, та последняя сцена в кабинете декана стала единственным, за что она обижалась на «мужа». Тогда говорить пришлось ей одной, вот пусть сейчас первый начинает он.

Григория принялась убирать посуду со стола. Чего же он тянет?

— Гри, прости меня, я не должен был так грубо говорить с тобой год назад. Сейчас я вижу, что ты сильная и самостоятельная, не боящаяся жизненных трудностей, — со вздохом признал Рене.

— Значит, до этого ты во мне сомневался? — оскорбилась девушка.

— Нет, я не сомневался в тебе. Но в том, что такая простая жизнь тебе не подойдет и станет тебя тяготить, был уверен, — уточнил мужчина.

— Надеюсь, ты убедился в обратном? — поинтересовалась Гри.

— Убедился, ты молодец. Ты вообще замечательная, удивительная и потрясающая, — и сказано это было так, что у Григории не получалось ответить спасибо за комплименты или просто отшутиться. Что-то грустное и горькое проскальзывало в таких хороших словах.

Но от необходимости искать ответ ее избавил требовательный крик.

— Ой, извини! Три часа прошло! — бросив мыть посуду, девушка побежала в спальню.

В маленькой комнатке стояло две кровати, одна небольшая, но взрослая, а вторая — маленькая детская, беленькая, украшенная резьбой и позолотой, с шелковыми простынями и воздушным прозрачным балдахинном, совсем неуместная в такой комнате и квартире в целом, но новоявленный дедушка со слезами упробил принять хоть это.

Григория бережно взяла дочку на руки, та заливалась криком и не собиралась успокаиваться без вожделенного маминогo молока. Наевшись, малышка пришла в благостное настроение, пусть и кроха, она уже не засыпала сразу после еды, всем видам бодрствования предпочитая воздушные ванны. Но сейчас после кормления и обмывания мама аккуратно не туго запеленала девочку в чистые пеленки. Им предстояло самое сложное, наверное, после процесса рождения, — знакомство и объяснение с папой.

Гри с ребенком на руках вышла в кухню-гостиную, где их ждал пораженный Рене. Не веря своим глазам, он подошел к ним и посмотрел на дочь, из-под чепчика которой были видны достаточно длинные для младенца черные пряди, а на белокожем курносом личике блестели папины темные, почти черные глазки и сияла беззубая улыбка.

Он переводил взгляд с жены на дочь, не в силах вымолвить хоть слово, и вот тут Григория пришла ему на помощь. Ведь это было только ее решение, и ей совсем не хотелось, чтобы ребенок к чему-то подтолкнул мужчину.

— Я понимаю, что это слишком неожиданно для тебя, — тихо начала она, — ты надеялся сегодня со мной развестись и забыть, как страшный сон. Я узнавала, есть возможность развестись на пятилетие ребенка, как раз при условии, что это девочка, и нет споров об опеке, так что не все так плохо и ужасно, как может показаться.

— Не все так плохо и ужасно, говоришь? — севшим голосом спросил Рене. — Это ты специально, чтобы я почувствовал себя еще большей скотиной, чем чувствую сейчас? — его,

казалось, даже потрясывало от переполнявших эмоций, глаза лихорадочно блестели.

— Я не выставляю тебя скотиной, Рене, и совсем таковым не считаю, — мягко ответила Григория, — просто это было мое решение и тогда, когда я сама практически настояла на консумации брака, и потом, когда узнала о беременности и приняла решение оставить ребенка.

— Почему ты мне не сообщила? — упавшим голосом спросил Рене, — ты ведь знала, где меня можно найти!

— Ты тоже знал, где меня можно найти, — не осталась в долгу Гри, — но за полгода, которые я тебя ждала, так и не объявился. Да и потом, заявиться к тебе и сказать, дорогой, так и так, я беременна и рожаю, а ты как хочешь, но развод теперь невозможен, во всяком случае, в обозримом будущем. Так что, будь добр, бери на себя ответственность! Так ты это видишь? — против воли в слова пробрались эмоции, так тяжело сдерживаемые и до сих пор до конца не пережитые, что малышка завозилась и захныкала.

— Дай мне ее, пожалуйста, — попросил Рене и протянул подрагивающие руки.

С ума сойти, а ведь она считала его оплотом спокойствия! Григория, поколебавшись, бережно передала ребенка отцу, а тот, казалось, не дышал, глядя на дочь.

— Как ее зовут?

— Игнэсса. Игнэсса Вайтран, брачная мета была на моей ауре, так что дать дочке мою девичью фамилию жрецы не позволили, — извиняющимся тоном ответила Гри.

— Ты еще и свою фамилию хотела дать нашей дочери?

Рене ходил с дочерью на руках по комнате. Малышке нравилось разглядывать обстановку, правда, сейчас темные глазенки почти все время останавливались на незнакомом лице мужчины, который, в свою очередь, не отводил от нее взгляд. Григория смотрела на них и чувствовала, что на глаза наворачиваются непрошенные слезы. Кни.гол.люб.нет

— Знаешь, Гри, а я ведь сразу в тебя влюбился, с первого взгляда, только увидев на вступительной церемонии. Даже дар речи потерял — с шальной улыбкой признался вдруг Рене, а Григории показалось, что она ослышалась, до того невероятными были его слова.

— Ты, наверное, даже не запомнила, а я сразу после торжественной части подошел к тебе знакомиться, ты была в кругу подруг и только окинула меня гордым взглядом и пошла дальше. Я ведь не знал, кто ты. А когда узнал, сразу понял: эта девушка не для меня, — с горечью произнес он, — да и еще видел, что ты особо не стремишься к мужскому обществу, и уже не один я сломал копьё о твою каменную стену, но все равно пытался. И всегда безрезультатно. В те нечастые попытки ты совсем на меня не смотрела, ты вообще редко на меня смотрела, и на лице у тебя была написана только неприязнь. За мной ведь столько девчонок бегало, а ты проходила мимо и даже не замечала, а иногда и специально отворачивалась. Ну, я и не стал навязываться, понял, что тебе это неприятно. Но выкинуть из головы ту, которую видишь каждый день, очень, знаешь ли, сложно. А то злосчастное задание я воспринял как подарок небес, решил, что это последний шанс стать к тебе ближе. Радовался, как ребенок, когда нас в пару поставили, а ты взяла и подошла к преподавателю с просьбой о замене. Он мне это потом сам сказал, и добавил, чтобы я тебя не обижал, а то ты и так хотела от меня сбежать. И я старался хоть как-то тебя расшевелить, но ты упорно все игнорировала. Меня это раздражало невероятно! Я не хотел, но грубости вылетали сами собой, зато они вызывали у тебя хоть какую-то реакцию!

А после ритуала я еще подумал, какая ирония, истинный брак с той, в которую так

долго влюблен, и которая не любит тебя. Но в те сутки ты открылась для меня совершенно с другой стороны: ты оказалась совсем не заносчивой, не гордой, в тебе не было снисходительности к моим родным, только искреннее сочувствие нашему горю, ты была так открыта. Три с лишним года впустую, а тут, кажется, появился шанс. И я не сдержался в ту ночь. Знал, что не должен так с тобой поступать. В библиотеке, когда мы просматривали литературу, я нашел полные правила ритуала, и понял, что если брак действительно есть, то он самый обычный, не несущий никакой опасности! Но не решился тебе сказать, боялся, что ты сразу развернешься и уйдешь. И в заброшенном храме я понимал, что совершаю ошибку, что обманываю тебя, но просто не смог отпустить. Наверное, те часы были самые счастливые в моей жизни. А в деканате, увидев твое шокированное лицо, услышав слова твоего отца, грубые, но, по сути, правдивые, осознал, что натворил. Я мошенник, утаивший от тебя правду, да еще взял перстень, хотя понимал, что мы с тобой не умрем, и ты напрасно жертвуешь столь ценной для тебя вещью. Просто не видел другого выхода, получается, воспользовался тобой. Как я тогда себя ненавидел! И я хотел сказать тебе, стоя за воротами, что буду презирать себя за то, что привязал к себе обманом. Да не простую девчонку, которой мог бы хоть что-то предложить. А ту, которую ждала всяко лучшая жизнь, чем я мог дать. И я ушел. Сколько раз я хотел сорваться к тебе и все это рассказать! Но каждый раз боялся увидеть только ненависть и презрение в твоих глазах. Скажи мне, я не очень опоздал? Есть ли у меня еще шанс стать частью вашей с Игнэссой жизни и семьи?

Рене замолчал, ожидая ответа, Игнэсса уже уснула, убаюканная тихим и грустным рассказом папы, настоящей исповедью. Каково ему было жить сначала три года с неразделенным чувством без надежды на взаимность, а потом еще год, считая себя обманщиком и вором. Понятно теперь, почему для него было так важно вернуть перстень. Только сейчас Григория осознала, что слезы уже давно текут по ее щекам, капая на блузку. Даже в самых смелых мечтах она не могла представить, что Рене Вайтран любит ее, и уже давно. Судорожный всхлип вырвался сам собой, за ним следующий. И вот уже Григория давилась рыданиями, чтобы не разбудить дочь. Муж, а теперь именно муж, обеспокоенно подошел к ней, но, поскольку его руки были заняты, Гри обняла его сама.

— Ну что, я так понимаю, мы не собираемся разводиться? — уточнил Рене, когда Григория успокоилась.

— Не собираемся, — подтвердила девушка.

— В таком случае, вам придется переехать ко мне в Канбер, не могу же я позволить своим девочкам жить отдельно.

— Я согласна. Куда угодно, если с тобой! — Гри взглянула мужу в глаза.

— Помочь паковать вещи? — с улыбкой поинтересовался Рене.

— Нет, у меня на сегодня срочный заказ, не могу подвести клиентку. Но твоя помощь придется очень кстати, если согласишься посидеть с Нэсс. Если она проснется из-за мокрых пеленок — зови меня, я все сделаю.

— Неужели ты думаешь, что при таком количестве младшеньких я не смогу ее перепеленать? — усмехнулся мужчина и отнес малышку в спальню, где еще долго наблюдал за спящей дочерью.

— Я так и не спросил, чем ты все-таки занимаешься? — поинтересовался Рене, вернувшись на кухню и застав жену с кучей разных склянок.

— Я делаю косметику с разными магическими свойствами, еще до Академии таким баловалась, например, тени для глаз, которые в темноте начинают мерцать или

переливаться. Или духи, при определенных условиях от них вместе с ароматом остается шлейф иллюзорных цветов или бабочек. Я сами средства-основы делать не умею, беру готовые, добавляю только магическую начинку, — пояснила Гри. — Но сейчас заказ серьезный. Моя клиентка была боевым магом. У нее сильное ранение — шрамы на обеих руках от пальцев до локтей, полученные из-за магической травмы, не свести, не замазать. Вот мы хотим попробовать хотя бы визуально наложить кремом иллюзию цветной татуировки, чтобы пристойно выглядело, и можно было одежду с открытыми руками надеть.

— Татуировка на женщине будет выглядеть вызывающе, — задумался Рене. — Не лучше ли сделать эффект здоровой кожи?

— Уже пробовали, но шрамы все равно просвечивают. Она бы и настоящую татуировку сделала, но кожа сильно повреждена, бугристая, не набить нормально рисунок.

— А маскировочный артефакт?

— Она телохранитель одного из высших чинов Союза Королевств, там, где он бывает, часто просят снять все артефакты вообще, в Императорский Дворец, например, точно не войдешь, да и в здание Совета. Вот и ходит она все время в перчатках и с длинным рукавом.

— Крем-то стойкий подобрала? — полюбопытствовал Рене.

— Да уж не глупее некоторых! Взяла нестираемый, только специальным мылом можно смыть.

— Тогда больше не отвлекаю.

Спешка в работе с магическими компонентами была неприемлема, так что Григория обстоятельно накладывала на крем все эффекты и успела как раз к приходу заказчицы. Женщина была колоритная, даже Рене оценил. Ростом она была с него, если не выше, крепкая и мускулистая. Черты лица резкие, очень коротко стриженные высветленные волосы. Но при этом было в ней что-то завораживающее. То, как она двигалась, говорила. И даже ее несколько грубые манеры не производили отталкивающий эффект. А вот полностью закрытые в теплую погоду руки, конечно, привлекали внимание и сразу наводили мысль о болезни или увечье. Когда крем был нанесен, и на покалеченных руках появилась плотная картинка из рун и символов, Рене понял, что Григория была права, ведь именно ей пришла в голову мысль с татуировкой. Такую женщину она не портила, наоборот, добавляла шарма в ее и без того необычный образ воительницы.

Распрощавшись с довольной клиенткой, Григория радостно стала дожидаться обеда, который готовил Рене. Нэсс гулила в большой корзине, специально отделанной и расшитой для нее. На длинной высокой ручке корзины болтались серебряные колокольчики, которые девочка трогала ручками и тщетно пыталась затащить в рот.

Стол был накрыт и обед подан, когда дверь распахнулась, и в нее почти влетел новый гость.

— Доченька, я тут мимо пробежал! А по дороге такие отличные фрукты попались, не смог не купить! Всего один пакет, не волнуйся! — донеслось еще с порога.

Гри и Рене синхронно переглянулись и напряглись в ожидании неизбежных объяснений. Реакция графа Давьенга была предсказуемой.

— Ты! Да как только посмел! Год где-то шлялся, а тут явился — не запылится! — сразу накинулся на зятя граф.

— Папа, пожалуйста, давай поговорим спокойно, — попробовала вмешаться Григория.

— А ты не встревай! Или твой муж только и горазд за женской юбкой прятаться?

— Граф Андергард, — Рене встал со стула и прямо взглянул на тестя. Было понятно, что

спокойствие его не напускное, — Вы имеете право на свое мнение, но оно ничего не изменит, поверьте. Я люблю вашу дочь. И свою дочь тоже люблю, пусть и знаю о ней всего несколько часов. И да, все обвинения, которые Вы мне сейчас можете бросить в лицо, абсолютно оправданы. Более того, я заранее соглашусь с каждым из них. Но сделанного не воротишь, и компенсировать год своего отсутствия я могу только будущим отношением к своей обретенной маленькой семье, что я и собираюсь делать. Буду наверстывать упущенное и постараюсь искупить ошибки поступками.

Граф зло сопел, глядя на стоящего перед ним мужчину, но почему-то шквала обвинений, упреков, угроз и прочего, чего ждали от него, не последовало.

Вместо этого, отец со вздохом сел на ближайший стул, сложил на коленях руки и ссутулился, разом постарев на десяток лет.

— Заберешь их, да? — не глядя ни кого спросил граф.

— Заберу, — просто ответил Рене.

— Доча, ну зачем вам в какую-то глушь тащиться? — обреченно спросил отец. — У нас городской дом пустой простаивает, там куча места, всем хватит. И детскую нормальную сделаем, и вам спальню, и даже этому твоему, — он кивнул на Рене, — обустроим, что там ему нужно.

— Спасибо, конечно, но сейчас мне необходимо вернуться к себе в мастерскую, и девочек я к себе заберу, — сказал за Григорию Рене. — А потом постараемся поближе к столице перебраться, но в свой дом. А пока, — решил попробовать сгладить впечатление от своих слов Рене, — Вы можете к нам в гости приезжать, никто препятствовать не станет.

— А вот и приеду! — с вызовом заявил отец. — Да прямо на ближайших выходных! Должен же я убедиться, что мои дочь и внучка устроены должным образом!

— С моей семьей познакомитесь, если хотите, конечно, — решил несколько сбить прыть с тестя Рене. Граф, безусловно, не станет стремиться к общению с новой родней.

— Захочу, конечно! — отец явно пребывал в ударе. — Я должен удостовериться, что внучка будет расти в нормальном окружении!

— Ну, тогда, думаю, до встречи.

Рене хотелось побыстрее выставить гостя. Все-таки слишком сильно была уязвлена его гордость, чтобы так легко начать налаживать отношения.

— Я сейчас, так и быть, уйду, — решил не спорить отец, — но знайте, от меня так просто не отделаетесь! И вообще, раз уж вы вместе, то учтите, мне нужен наследник графского титула. И не тяните! Должен же я успеть воспитать достойного преемника!

И направился не к выходу, как очень хотелось Рене и покрасневшей Григории, а сначала к внучке, которой сунул в ручки вытащенную из внутреннего кармана серебряную погремушку.

— Мытая она, не бойся! — был ответ на выразительный взгляд Григории. А потом, поцеловав Игнэссу в лобик и потрепав за пухлую щечку, не прощаясь, вышел, нарочито громко закрыв входную дверь.

— Думаю, вы найдете общий язык, — с улыбкой заметила Гри.

— Посмотрим, — вернул ей улыбку Рене. Он уже видел, что тесть у него, в целом, неплохой. Понимающий. Но жить от него нужно подальше.

Больше книг на сайте - Knigolub.net